

ИСКАТЕЛЬ ПРИКЛЮЧЕНИЙ И ПЕВИЦА ИЛИ ДАРЫ ЖИЗНИ

Гуго фон Гофмансталь

Перевод с немецкого Алексея Ремизова*

Действующие лица:

Искатель приключений, под именем барона Вейденштамма.

Витториа.

Чезарино.

Лоренцо Венье.

Его дядя, сенатор Венье.

Редегонда, певица.

Ахилл, ее брат.

Марфиза Кортичелли, танцовщица.

Ее мать.

Залайно, молодой музыкант.

Аббат Гамба.

Сын банкира Засси.

Лё Дюк, камердинер барона.

Старый композитор.

Его служанка.

Ювелир.

Неизвестный старик.

Три музыканта.

Слуги.

В Венеции, в середине XVIII века.

ДЕЙСТВИЕ 1

Венецианское палаццо, где живет барон. Высокий просторный вестибюль. На заднем плане большая дверь на лестницу; возле нее направо маленькая в лакейскую, налево окно во двор. Решетчатое окно в правой стене выходит на канал. В левой стене две двери; одна из них ведет в спальню.

---

* См. переводы театральных пьес А. М. Ремизова, изданные А. М. Грачевой в "Europa Orientalis" 1994, 1.

Зала отделана лепными украшениями во вкусе барокко; мебель — несколько больших кресел с полинявшей позолотой.

Входят Барон и Лоренцо. Барон в лиловом, с бледно-желтым жилетом; Лоренцо весь в черном. Барон входит первый, с осанкой хозяина дома.

БАРОН Нет, нет, вы мне должны оказать эту честь, я сделаю то же. Вы — дворянин, я — дворянин. Ваше имя — Венье, мое — Вейденштамм. Вы принадлежите к фамилиям, которые правят этим городом, я — больше всего на свете люблю этот город. Мы в опере, я хочу узнать имя одной из певиц, ищу лицо знатного происхождения, к которому мог бы обратиться с вопросом. Ваша осанка, ваше платье, ваш серьезный взгляд, ваши удивительно прекрасные благородные руки привлекают мое внимание, и я ничего более не желаю, как продолжать беседу, начало которой произошел случай.

ВЕНЬЕ Вы очень добры, и я смущен тем более, что...

БАРОН Будем говорить друг другу на «ты», как это водится в большом свете Вены и Неаполя. Я хочу объяснить тебе... прости... *(Хлопает в ладоши)*

ВЕНЬЕ *(Молчаливый жест)*

(Лё Дюк входит слева)

БАРОН Лё Дюк, я приезжаю, нет никого помочь мне выйти из гондолы. Лестница не освещена. В передней можно свернуть шею. Где слуга, которого обещал прислать хозяин квартиры? *(К Венье)* Ты должен извинить меня: нет еще двадцати четырех часов, как я здесь, и, как видишь, у меня плохая прислуга.

ЛЕ ДЮК Ваша милость, здесь было трое, но по виду такие висельники...

БАРОН Довольно, ты позаботишься об этом завтра. Теперь свечей, у меня будут играть! Токайского, кофе! *(К Венье)* Могу ли я предложить тебе еще чего-нибудь?

(Пауза, во время которой Лё Дюк подает)

ВЕНЬЕ Вы не в первый раз в Венеции, барон?

БАРОН Как можешь ты предполагать это? Но ты огорчаешь меня, я вижу, ты не чувствуешь себя, как дома. *(Приближается к нему)* Венье, не раздумывая ни минуты, мы отдаем десятую часть нашего состояния, когда находим в хламе

антиквария голову умирающего Адониса или гемму с крылатыми детьми. Мы тратим много часов на поездку в горы, чтобы посмотреть на фрески, которые давно истлевшая рука написала на стенах полуразрушенной капеллы. Мы делаем величайшие безумия ради женщины, виденной мельком, и за то, чтобы развязать ленты корсажа, не зная еще, что скрывает этот корсаж, мы кладем на ставку свою жизнь, и не колеблемся ни на минуту. Но заговорить с мужчиной, который нравится нам, искать человека, беседу, которая, быть может, даст нам бесконечно много, как мы тогда становимся тяжеловесны, какая является в нас смесь мужицкой гордости и застенчивости. Сдержанность, которой мы постыдились по отношению к статуе, к картине, к женщине, кажется нам уместной по отношению к мужчине.

ВЕНЬЕ   Может, это именно и происходит от того, что мы женщины.

БАРОН   *(Выпил свой стакан)*

Ты — венецианец, я таковой же десять раз!
Рыбак свою имеет сеть, патриций
Красный плащ и стул в Совете,
Нищий место у подножия колонн,
Танцовщица свой дом, старый дож
Перстень обручальный моря, узник
Поутру в келье соленый аромат
И слабый отблеск пурпурного солнца:
Я это все вкушаю единым языком!

ВЕНЬЕ   *(Про себя)* Кто этот человек?

БАРОН   Ого, забывчив я.

Как поживает прекрасная супруга
прокуратора Манин?

ВЕНЬЕ   Нет более ее в живых.

БАРОН   Нет более в живых?

Ее, с зелеными глазами моря!

ВЕНЬЕ   Умерла она

семь лет тому назад.

БАРОН   Умерла? Что говоришь ты!

ВЕНЬЕ   И так, тому давно назад, как ваше пребыванье...

БАРОН   Давно. Вот отчего его

Вдыхаю я с великим наслаждением.

- (Подходит к окну направо)
 В мое время в красной шапке
 Сидел еще старик на лестнице
 Малых львов и сказки говорил.
- ВЕНЬЕ Чиголотти?
 БАРОН Удивительные сказки!
 О Серендибе и об острове Пим-Пим.
 (Открывает окно)
 Ну что за воздух! В такую ночь
 Этот был основан город. Их глаза
 В блаженстве утопали, он был в ее объятьях,
 Они пили только растворенный жемчуг.
- ВЕНЬЕ Кто?
 БАРОН Ты этого не знаешь, не знаешь ты начала?
 Вы только последние их рода.
- ВЕНЬЕ Чего начало?
 БАРОН Венеции. Здесь
 Был такой же лес глухой у моря,
 Как близ Равенны. Но на жемчужных нитя.
 Вытащили рыбаки за длинные
 И красно-золотые волосы принцесс. на берег.
- ВЕНЬЕ Принцесс?
 БАРОН Из Серендиба, откуда же мне знать!
 Были они наги, светились, как жемчуг,
 И жили с рыбаками. Потом за ними
 Пришли другие, приплыв на чудищах
 По воздуху, по морю. Тра-ла-ла...
 (Старается найти мелодию)
 Как это то, что она пела? Тра-ла-ла-ла...
- ВЕНЬЕ (Встает) Кто пел?
 БАРОН Мандане! В опере сегодня.
 Или Зенобия, не так ли? Превосходно.
 (Продолжает свой рассказ)
 А потом исчез волшебный город —
 Но не совсем! Осталось что-то в воздухе,
 В крови! Устами розовых раковин целовало
 Море и лизало изумрудным языком
 Подножье города! Возвышались церкви,
 Как дома тайных наслаждений...
- ВЕНЬЕ Вы обладаете красноречием поэта, мой барон.

- БАРОН . О, только любовника, не более как любовника.
- ВЕНЬЕ . Любовника, который именно здесь?...
- БАРОН . Вспоминает счастливейшие часы, неопиcуемые, незабвенные...
- ВЕНЬЕ . *(Движение)*
- БАРОН . Она была ребенком и в моих объятиях стала женщиной. Ее первые поцелуи были неопытны, как выпавшие из гнезда молодые голуби, ее последние поцелуи высосали из меня душу! Когда она приходила, вечером или на заре, стройнее мальчика, она была закутана в большой старый плащ, она бросала его за собой и выходила из него, как лань из лесу.
- ВЕНЬЕ . Так за собой...
- БАРОН . Плащ, да.
- ВЕНЬЕ . Плащ, и появлялась...
- БАРОН . Она разгоралась под моим поцелуем.
Был на ней тогда иной плащ —
Из блеска нагого и воздушного золота.
Ее шея вздувалась и рот ее
Изгибался от рыданий безмерных блаженств.
Отягчено поцелуями было каждое веко ее
И плечо, и бедро!
Сто раз в объятиях других,
Забывая об этих других, как сквозь дымку,
Я видел сквозь тела их жемчужные блески
Тела — того, что неслоь предо мною во мраке,
И светилось сквозь дымку
С горошину родимое пятно на ее груди...
- ВЕНЬЕ . Родинка! Здесь! Здесь? *(Показывает на шею)*
- БАРОН . Как? Мне кажется, что здесь.
(Припоминает) Нет, здесь.
(Показывает на грудь) Что с тобой?
- ВЕНЬЕ . Ничего, ничего, почти ничего. *(Идет направо вперед)*
- БАРОН . *(Отходит назад налево к Лё Дюку)*
- ВЕНЬЕ . *(Стоя направо впереди)* Я безумный, весь мой страх и волнение бессмысленны, но я не могу совладать с ними. Он спросил у меня в опере ее имя, значит, он не знает ее. Правда, он мог знать ее прежде и только хотел узнать, как теперь ее имя. Родинка! Из двух женщин у одной есть родинка! К тому же он неправильно указал место. Почему

бросается мне в глаза только то, что подтверждает мое подозрение, а не то, что лишает его силы! Было еще что-то (припоминая), что-то очень нехорошее! Это с плащом, это с плащом!

БАРОН *(К Лё Дюку)* Доставлено письмо к певице?

ЛЕ ДЮК Так точно, ваша милость, там ждет уж и старуха с ответом.

БАРОН Где? Давай сюда письмо!

ЛЕ ДЮК Она только хочет видеть вашу милость – она ждет в комнате около передней.

БАРОН Сейчас иду. *(Громко)* Два карточных стола! На каждый четыре свечи! *(К Венье)* Извините меня, на минуту.

ВЕНЬЕ *(Подходя к Лё Дюку)* Кто твой господин? *(Хочет дать ему денег)*

ЛЕ ДЮК *(Отступая)* Вашему превосходительству, без сомнения, известно, что я имею честь служить господину барону Вейденштамму из Амстердама.

ВЕНЬЕ Вейденштамм! Вейденштамм! Нет такого голландца в мире, который так говорил бы по-венециански.

ЛЕ ДЮК Я слышал, родственные связи...

ВЕНЬЕ С чертом!

ЛЕ ДЮК По крайней мере, из уст самого моего господина я слышал не раз, что уж более пятнадцати лет он не был в Венеции.

ВЕНЬЕ Ты это слышал, добрый человек? Неоднократно слышал?

ЛЕ ДЮК Неоднократно и ясно.

ВЕНЬЕ *(Дает ему денег)* Ты — прекрасный человек и заслуживаешь быть спутником такому превосходному кавалеру, как барон.

ЛЕ ДЮК Целую руки вашего превосходительства.

ВЕНЬЕ Пятнадцать лет тому назад она была двенадцатилетним ребенком. И потом он ничего не говорит о ее пении; как мог я быть так глуп и упустить это из виду. Он слишком тщеславен, чтобы умолчать о чем-нибудь подобном.

(Барон возвращается; Венье дружелюбно ему навстречу)

ВЕНЬЕ Теперь и вправду спокойной ночи, а завтра к завтраку, надеюсь я, окажешь честь мне Ты, младшая, Каза Венье, за Сан Заккариа три шага.

БАРОН Как? Спокойной ночи? Как будто время спать? Об этом думать ты не должен! И я не должен думать

Отпустить тебя! Скоро придет банкир мой,
Вернее, сын его и приведет с собою, сколько может,
Гостей веселых.

ВЕНЬЕ Я угадать почти могу, кого.

БАРОН Как?

ВЕНЬЕ Редегонду, Брицци...

БАРОН Другую называл он.

ВЕНЬЕ Кортичелли, да?

БАРОН Мне кажется.

ВЕНЬЕ Затем двух-трех бездельников, один сонеты
Пишет, пасквили — другой, глупейшего
Аббата и самого навязчивого жида...

БАРОН И ты, и я, вот и ковчег готов! По одному
От каждой твари. Разнообразие такое
Свет пестрым делает. Скажи,
Кем мог бы пренебречь ты? Я — безумным
Негром, что с Ривы ныряет за сольдо
И за кусок с собаками грызется,
И также дожем золотым, что мимо нас
В пурпурном облаке несется на раззолоченной гондоле.
Под тысячью масок бегаёт вокруг меня и дергает за платье
Вор, что ключ украл от моего счастья.

(Оживляясь)

В драгоценном камне заморожена
Душа нашей души, судьба судьбы.
Он, быть может, висит меж роскошных грудей
Редегонды, а может быть, спит
Между луковиц в кармане жида,
Что мы знаем! Не так ли?

ВЕНЬЕ Ты забавен.

БАРОН *(Подходит близко к нему)*

Не слишком гордись, что тебе еще нет тридцати!
Не бедно и то, что позднее придет. Возвращаться
И не забывать: уста, как роза,
В раскрытые объятия лететь!
Как будто только день один я был вдали —
И Одиссея едва приветствовал лишь только его пес!

(Все радостнее)

Я хочу дать пир здесь. *(К Лё Дюку)* Достань мне
Львов, которые бросали бы цветы из пасти!

Позолоченных дельфинов поставь перед дверьми,
 Которые бы красное вино в зеленую изрыгали воду!
 Не трех, не пять, найми мне десять слуг,
 Достань ливрей. Три гондолы у лестницы
 Должны стоять, наполненные музыкантами,
 Одетыми в мои цвета.

ВЕНЬЕ
 БАРОН

(Улыбаясь) Вы всех нас пристыдите.
 Как? Уж слишком много? Слишком? Не довольно!
 Всю Компанилу я хочу кругом обвить
 Нарциссами и розами. Вверху
 На самой вышине зажгу я пламя,
 Полное сандалом и розовым маслом,
 Пускай охватит тело ночи гигантскими руками.
 Канал в расплавленный огонь я превращу,
 Так много цветов рассыплю, что голуби,
 Дурманясь, будут над землей порхать, так много факелов,
 Что рыбы все от страха зароятся на дно морское,
 И Европа с нагими нимфами своими, спугнутая,
 Запрячется в самый темный покой,
 И ослепленный бык ее громко заревет!
 Осуществлю я грезы поэтов, вызову из гроба
 Веронеза и Аретина,
 Грифонов запрягу, построю пирамиду
 Из молодого тела девушек, которые поют!
 Пусть заржут кони святого Марка
 И от страсти раздуют свои бронзовые ноздри!
 Те, что наверху в свинцовых камерах сидят
 И буравят стену ногтями,
 Пусть остановятся, подумают,
 Настал последний день, и ангелы
 С розовыми руками и диким ароматом крыльев,
 Низвергаясь на землю, оловянную крышу срывают
 И сводят небо вниз!

(Внезапно останавливаясь)

Тс! Тс! Поют? Уж близится оно?
 Чу! Ты слышишь голос сладостный?
 Сюда! Нет ничего? Нет, раньше было громче!
 Ты ничего не слышишь? Так это у меня в крови.

ВЕНЬЕ *(Вдруг встает и так порывисто ставит свой стакан на маленький стол, что разбивается он со звоном)*

Стакан разбился. Простите.
Бывают дни такие, когда безумная,
Враждебная судьба из каждой двери
Протягивает нам голову навстречу,
Кишащую змеями, и выползает
Из-под стола, где мы сидим! Пятна есть
На самом солнце, луна покрыта белою проказой,
И вся наша душа в лохмотья рвется,
В которые кутаются вору.

БАРОН Это кошмар.

ВЕНЬЕ Почти, только не спишь!

БАРОН Пойдем, походим, воздух прохлаждает.
О, если б ты учился жить, как я,
Тебе бы было хорошо.
Я мир по достоинству ценю,
Нечто, куда я должен бросаться
В погоне за наслаждением, пока
День и ночь, как скрипучая телега, меня терпят.
Жизнь! Быть заключенным, уж на рассвете
Слышать, как приближается палач,
Сворачиваться, как еж,
Щетиниться от страха, но жизнь кипеть!
Вечно быть снова и снова свободным! Дышать!
Как губка впитывать весь мир, за горы бежать!
Внизу города, что сверкают, как очи!
По простору паруса, раздутые, как груди!
Белые руки! Полузадушенные от рыданий
Темнеющие голоса! Потом покинуть
Герцогинь в слезах на кружевной постели и
По грязной дороге к служанке... Ты мне не веришь?
ВЕНЬЕ Как можешь так превратно истолковывать взгляд мой?
БАРОН Я говорю тебе, ничего нет веселее,
Как ходить здесь по комнате взад и вперед,
Наливать себе вино, есть, спать, целовать
И слышать бурное дыхание за дверью
Одного или одной, что стерегут и смерть
Сжимают в кулаке, свою или твою!
Жизнь твоя подобна жизни калидонского царя,

От куска дерева она зависела, твоя же — от свечи,
 Колеблющейся и сгорающей от ожиданья
 Пред сокровенным зеркалом,
 И то, на чем весело пляшет отблеск огней,
 Когда ты ночью возвращаешься домой,
 Может стать твоим гробом! Ого, они идут!

(Входят: Засси, Марфиза Кортичелли с матерью, аббат, после всех Залаино)

ЗАССИ Как поживаете, мингер?

БАРОН Как поживаете, мой милый Засси?
 Будьте хозяином, а мне позвольте быть слугой
 И все мои услуги посвятить гостям.

ЗАССИ *(Подводя к нему за руку Марфизу)*
 Марфиза Кортичелли, Камарго
 Настоящего момента, одна из... нет, танцовщица Венеции!

БАРОН Марфиза! Ваше имя произнести
 Все то же, что аромат вдохнуть редкого и сладкого,
 И дикого плода; позвольте мне устами его сорвать.

(Целует ее)

МАТЬ Что хвалите вы губы? Ее уста
 Не лучше, чем у других. Концами ж
 Ног выводит она трели и мелодии,
 Ее колени красивей,
 Чем у других, что глотку надрывают.

(Барон смотрит на нее с недоумением)

МАТЬ *(С реверансом)* Я — мать.

БАРОН *(С поклоном)* Ламия, мать младшей грации.

ЗАССИ Аббат Гамба,
 Плиний, Цицерон и Аретин
 Этого века.

БАРОН Много в одном, много!
 Здесь еще друг? *(Показывает на Залаино)*

КОРТИЧЕЛЛИ О, этот едва ли может слыть за человека,
 Не большего внимания достоин он, чем тень!

БАРОН Она твоя?

КОРТИЧЕЛЛИ Да, впавшая в безумие,
 С ужаснейшими жестами следящая за мной,
 Как неуклюжий фавн, пугая нимфу.

ЗАССИ Это Залаино, молодой музыкант,
Который слишком много вздохов расточает
Для этого задорного создання.
МАТЬ Но кроме этого, больше ничего!
КОРТИЧЕЛЛИ Оставьте вы его. И вас прошу о том же,
Как я, с ним поступайте, не замечая.
БАРОН Вот патриций Лоренцо Венье,
Всего лишь несколько часов, как близок сердцу,
Но дорог, как давний друг.

(Венье едва заметно кланяется, смотрит на всех в лорнет. Лё Дюк выходит слева с прохладительными напитками. Гамба подходит к Венье. Засси, Марфиза, мать — к Лё Дюку. Барон и Залаино справа)

БАРОН *(К Залаино)*
Как, юноша, ты не имеешь ничего и хочешь
Дальше переносить все это? Бедность — тюрьма,
Из которой убежать нельзя, потому что она бежит
за нами.
Издевательство, позор от такой распутницы!
Ты не имеешь ничего! Так, стало быть, всякий толстый
Мыловар-подлец имеет дом твой, твою постель
И твою возлюбленную целует, чувствуешь ты это?
И даже больше: он имеет право на кусок мяса
Из твоей груди, имеет право нож
Обтереть о волосы твои, ты это чувствуешь?

(Хватает его за волосы)

Мы будем играть, погоди, мы будем играть,
И вот на для начала! *(Дает ему денег)*
Ногти кусать, вдыхать треску у грязного канала
И, лежа на сырой соломе,
Грезить о белой ноге с золотою подвязкой,
Пока завывание кошек не крышах
Не положит грезам конец. Проклятая жизнь!

ЗАЛАИНО *(Задышающимся голосом, глядя в сторону)*
Я охотно был бы старым могильным камнем
У церковных ворот, по которому женщины ходят,
Полусгнившей водорослью в канале,
Собакой слепого! Мне кажется порой,
Что лошадь на хвосте меня влачит,
Что снизу, вывороченным глазом

Должен я смотреть на мир и кажется мне
 Жизнь такой недоступной, такой ненавистой.
 Я видеть не могу золотые лоскутья,
 Что каменный святой носит на своем
 Мертвом теле, и менее еще
 Я переносу живых, что, будто червь
 В яблоке гранатовом, они в блаженстве
 Погрязают.

БАРОН Нет у тебя сестры?
 Так к своднице ее! Что, даже брата нет,
 Капельмейстеру продать, который
 Мальчишек ищет для ангельских хоров?
 Нет? Так я пошел и продал
 Жизнь человека, которого я никогда
 Не видал, и взял револьвер,
 Как ссуду, взятую вперед из суммы,
 Которую должен был им заработать. Что?
 Довольно об этом. Потом.

(Отходит к другим)

(К группе) Будем играть. Будьте как дома, прошу вас. *(Ведет Марфизу под руку вперед)* Что могу я сделать, Марфиза, чтобы не быть тебе противным?

МАРФИЗА Много, о, массу.

БАРОН *(Целует ее руку)*

МАРФИЗА Не то. Если нравлюсь я тебе...

БАРОН Ну?

МАРФИЗА Пойдешь, наймешь людей — о, они сделают это за ничтожную сумму, если ты меня любишь, то тебе противен тот, кто дурно обращается со мной, порабощает, унижает...

БАРОН Противен? Его, как занозу, я ненавижу.

МАРФИЗА А кого ненавидишь, не оставляешь ты без наказания?

БАРОН Имя бездельника скажи и я найду его!

МАРФИЗА *(Хлопает в ладоши)* Он это сделает!

БАРОН Имя!

МАРФИЗА Коста.

БАРОН Как?

МАРФИЗА Виченцо Коста,

Фат и отвратительный урод,

Антрепренер театра, который Бриззи

Дал танцовать обещание мне

Большое pas de deux. Он ходит вечером
Один домой, я знаю. Неподалеку
Двое это сделают легко. Ты это сделаешь! Ты сделаешь!
Ты — знатный господин и чужестранец, имеешь слуг...

БАРОН Тебя это порадует?

МАРФИЗА Как никто в мире!

БАРОН И думаешь, потом...

МАРФИЗА Что?

БАРОН *(Хочет ее поцеловать)*

МАРФИЗА Быть может, да, а может быть, и нет!

(Вырывается от него и убегает назад)

БАРОН *(Хочет идти за ней, вдруг перед ним Мать)* Милая женщина; ваша дочь — самое прелестное маленькое создание, которого я когда-либо касался кончиком пальца. Она такое брызжущее жизнью, необузданное, сверкающее создание, как маленькая пустельга.

МАТЬ Вы узнали только самую незначительную ее сторону.

БАРОН Совершенно верно, я сгораю желанием узнать ее лучше. Я вижу, вы поняли меня, вы поняли меня.

МАТЬ Надеюсь, ваша милость часто будет удостаивать балет своим присутствием.

БАРОН Вы не поняли меня. Я рассчитываю пробыть здесь только несколько дней и не хотел бы упустить случая узнать вашу дочь. Я навешу ее завтра.

МАТЬ О, это решительно невозможно, ваша милость, наше помещение совершенно не годно для приемов. Это абсолютно невозможно.

БАРОН Что значит невозможно? *(Дает ей денег)* Вы постараетесь сделать до завтра ваши апартаменты приличными.

МАТЬ О, это невозможно, моя дочь и я не имеют подходящего negligée, чтобы принимать таких гостей.

БАРОН Я буду иметь честь прислать ей в моей гондоле соответственное negligée.

МАТЬ Не знаю, знает ли ваша милость мерку...

БАРОН Предоставьте это моим глазам, добрейшая женщина. Там у меня внутри довольно мерок, чтобы изваять десять тысяч различных женщин из десяти тысяч бездушных кусков мрамора, но у меня нет охоты иметь дело с мертвым материалом.

(Входит Редегонда, за ней ее лакей — ее брат под видом ее лакея)

РЕДЕГОНДА Иди вперед и доложи!

ЗАССИ (Делает широкий жест ей навстречу) Редегонда!

БАРОН (Обращаясь к ней) Так восклицает проснувшийся на палубе первым: солнце! И другие восклицают вслед за ним. Я вечером сегодня слушал вас, *mademoiselle*, и завидовал дороге, по которой бесплотные звуки шли из ваших уст. Должен ли я завидовать теперь ничтожной ленте и кресту, что прикасается до этой шеи? Какой был это бог, что умер от тоски по образу прекрасного затылка? Забыл его я имя, но боюсь, что разделю его судьбу, когда уйдете.

РЕДЕГОНДА (Обмахиваясь веером) Красиво сказано.

БАРОН (В то время, как Лё Дюк подает прохладительные напитки) Позвольте?

(Редегонда пьет)

БАРОН Теперь стакан, что был у ваших уст,
Не более продажен, чем одна из
Камер моего сердца.

РЕДЕГОНДА О, таких стаканов много у нас дома!
Не правда ли, Ахилл? Если хотите,
Вы можете их все купить. (Смеется)

БАРОН Вы будете играть?

РЕДЕГОНДА Вы сделаете это за меня?

БАРОН Я буду слишком счастлив,
Если позволите мне быть гребцом последним
На корабле вашего счастья.

РЕДЕГОНДА Что это значит?

АХИЛЛ (Тихо) Иди!

(Барон с Лё Дюком отводят влево назад к игорному столу Засси, Марфизу, Мать, Аббата)

РЕДЕГОНДА (Стоя на авансцене, к Венье) А, Венье!
(Венье кланяется и подносит палец к губам)

АХИЛЛ (Редегонде) Он делает тебе знак, чтобы ты молчала.

РЕДЕГОНДА О чем?

АХИЛЛ Ну, вероятно, о его жене.

РЕДЕГОНДА Ах, вот что! Почему?

АХИЛЛ (Все время вполголоса) Почем я знаю? Молчи!

(Редегонда и Ахилл стоят почти посредине, Венье идет вперед влево, Барон сзади подходит к Редегонде, которая рассматривает в лорнет общество)

РЕДЕГОНДА Как? И эта здесь? Танцовщица! Я охотно
Играю только с подобными мне.

БАРОН Богиня красоты, тогда вы должны приказать
Поставить ваш карточный стол на Олимпе.

РЕДЕГОНДА А где это?

(Барон ведет ее к столу, знаком подзывает Залаино, который, все время стоя в глубине, следил глазами за Марфизой)

(Старик — незнакомец входит в дверь, застенчиво кланяясь, с треуголкой под мышкой. Никто его не замечает)

ВЕНЬЕ *(Один, стоя слева на авансцене)* Я здесь смешон и не могу уйти. И все же это не был обман: когда этот человек сел на свое место возле моей ложи, и ее взгляд, искавший меня, упал на него, она побледнела под румянами, и звук, который уж трепетал на ее устах, снова нырнул, как испуганная водяная птица, и с этого мгновения пело ее искусство, но не ее душа. Могу ли я ошибиться в этом, я, который по ее шагам на лестнице, по взмаху ее век, из самых мелочей заключаю, о чем она думает. И все же я могу ошибаться, все мои муки могут быть напрасны. Здесь никого нет, кого бы мог я спросить. Редегонда слишком глупа, Засси слишком зол. И все же мне показалось, что весь театр почувствовал, что с ней произошло что-то чрезвычайное. Играя, она ходила, как сомнамбула, как бы в какой-то тени. Кто этот человек? У меня такое чувство, будто я не должен выпускать его из вида, будто я знаю, что он таинственным образом предназначен вмешаться в мою жизнь.

Где это я слышал: я вижу вора,
Который ключ украл от самой сокровенной
Камеры моего счастья: он ходит вокруг меня;
Но я не в силах его схватить; не снилось ли
Мне это? И когда?

ЗАССИ *(Подходит к Венье)* Как, вы не идете играть?

ВЕНЬЕ Засси, кто этот человек?

ЗАССИ Я думаю, не стоящий того,
Чтоб долго задумываться над ним. Какой-нибудь

Искатель приключений, но более веселый в обществе, чем
Куклы, у которых бабушку и деда можно по
Имени назвать.

ВЕНЬЕ Как ты его достал?

ЗАССИ Я? Вернее, он меня: письмом
В четыре тысячи золотых дублонов.

ВЕНЬЕ И выданным?

ЗАССИ Арнштейном с Сыновьями в Вене.

БАРОН *(Отходит от Марфизы, обходит вокруг стола и кричит стоящим впереди)* Скучаете!

ЗАССИ Напротив, мингер!

(Барон стоит за Залаино и наблюдает за его игрой)

ЗАССИ *(Идя вглубь)* Я беру банк.

БАРОН Прошу вас, Засси, берите.

АББАТ *(Идя вперед и представляясь Венье)* Аббат Гамба.

ВЕНЬЕ Лоренцо Венье. Мы видимся
Не в первый раз.

АББАТ С вашей стороны очень любезно меня вспомнить.

(Тихо разговаривают, Аббат вынимает свои часы; оба идут направо вперед. Старик незаметно подходит к столу, становится за свечкой и понтирует)

БАРОН *(Глядя через плечо Залаино)* Красных бери и стой!
(После паузы)

Становится! Растет! Увеличивается!
Уж два, три склоняются перед тобой, когда
Выходишь из своей гондолы, уж горит свеча
На лестнице, уж занавес для тебя
Колеблется, и стол с роскошным ужином
Стоит, накрытый на двоих, служанка
Знака только ждет, чтобы исчезнуть.

АББАТ *(Впереди, к Венье)* Положитесь на меня, схвачу его
нежданно и припру к стене.

ВЕНЬЕ Посмотрим.

БАРОН *(Сзади, к Залаино)*

Что хорошо, то хорошо! Вот больше и больше
Лежит уж связанной добычи,
Полуприкрытой соболями и тканью золотой!
Вот уж прихвостень появляется и паразит
Большого господина! Вот уж их сотня,

Наперегонки пресмыкаясь! Светлейшая,
Высокомерная, прекрасная Брагадин
Уж поворачивает из мрака голову навстречу!

АББАТ *(К Венье)* Это речь фокусника и черта-бедняка, что любит хвастать.

БАРОН *(Подходя к ним)*
Вы смеетесь! Да, я люблю играть роль черта,
Ведь вы, аббат, подразумеваете того, что
Ночью бросил слиток золота в сеть бедняги рыбака?
Нет, скажите мне, друзья, кто этот человек?
(Показывает на незнакомого старика у игорного стола)
Вы знаете его?

АББАТ Я нет, спросите Засси.

БАРОН Тот его не знает, он спрашивал уж меня.

(Между тем старик отходит от стола и украдкой исчезает в заднюю дверь)

Вот он уходит. Ей-Богу, мне жаль его
До глубины души. Он долго шарил
И золотой на карту против нас'клал,
Казалось, как он сам, дрожал и каждый.
И каждый раз утлая его ладья печально разбивалась
О ладью того молодца, паруса которой
Бурно надувались от ветра счастья.

(Он подходит к окну, смотрит вниз, затем отходит влево к двери и знаком подзывает Лё Дюка)

АББАТ *(К Венье)*
Бывают такие, которые, как вороньё, падаль
Дома чуют, где играют, и внезапно
Являются с летучими мышами
И ночными мотыльками.

ВЕНЬЕ У этого был жалкий вид.

БАРОН *(К Лё Дюку)*
Беги за этим человеком в коричневом камзоле,
Через второй мост идет он, беги и дай ему
Вот это. Не говори же, от кого. Не отвечай.

(Лё Дюк уходит)

БАРОН *(Останавливается на мгновенье, смотрит в пространство)*
Быть может, это был отец мой.
По крайней мере своего я никогда не видел

никого бы не хотел обидеть в возрасте таком,
Из боязни, что это он. Такие случаи
Бывают. Часто мне это даже снится.
Бог знает, безумный калека в деревне,
Где я сегодня проезжал, а двадцать лет назад
И спал однажды, быть может, был мой сын
И на меня как раз так дико скалил зубы.

(Хочет возвратиться к столу, Аббат его удерживает)

АББАТ Позвольте, очаровательный хозяин, один лишь взгляд.

(Подводит его под свечу, внимательно смотрит)

Мы видимся не в первый раз! Однако
Мне кажется, вы удивительно переменились!

(Закрывает Барону рукой часть лица)

БАРОН *(Оглядывает его так же внимательно, как статую, слева, справа, снизу)* Действительно, не в первый раз!
Но где бы быть это могло?

АББАТ *(Торжествуя)* Вот это-то я спрашиваю!

БАРОН Не в Гааге ли? В тот кровавый вечер?...
Я голову умирающего Оранского держал
В моих руках, а вокруг теснился
Между факелов неприятный сброд:
Там также был один старый жид
Назойливее всех других, но как тот...
Могу ль поверить своим глазам? То были вы?

(Аббат, оскорбленный, делает шаг назад)

БАРОН *(Не пускает его)*

Нет, нет, теперь я знаю! В Дамаске
При дворе Юсуфа-Али, начальник,
Как бы сказать, немых? Опять не так!

(Аббат делает еще шаг назад)

БАРОН И все же я вас видел, наверно, видел!
В Риме у кардинала Альбини...

АББАТ Это может быть.

БАРОН Вы были монсиньор *(начинает смеяться)*, которому да-
мы *(говорит ему что-то на ухо)* и которому потом кардинал
через слуг... *(Еще что-то говорит ему на ухо, берет за обе*
руки и сильно трясет) Каково! *(Смеется)*

Это были вы! И сейчас меня узнали!
Это я вам *(на ухо)*...

АББАТ *(Яростно)* Никогда и нигде
То не был я, синьор, ошибся я:
Я никогда вас не видал.

БАРОН Жаль, жаль!

(К Венье)

А ты совсем пренебрегаешь маленькой игрой?

ЗАЛАИНО *(За столом, громко)* Я ставлю банк, кто мечет против?

ВЕНЬЕ *(Отходя назад)* Я?

РЕДЕГОНДА *(Выходит вперед, влево от стола, за ней Ахилл, прислуживая)* Сдвинулась пряжка на туфле, поправь мне ее.

Чего ты хочешь от меня, противный, что ты
Так больно ущипнул мне руку; я едва
Не закричала громко.

АХИЛЛ О чем он с тобой шептался?

РЕДЕГОНДА Он хочет, чтобы я

Сегодня вечером осталась у него, когда уйдут все.

АХИЛЛ И?

РЕДЕГОНДА Нет еще, но все-таки я вижу,
Что он щедр.

АХИЛЛ Прежде всего ему скажи,
Что хочешь ты, чтоб взял меня слугой,
Тогда все сделаю.

РЕДЕГОНДА Как мне это устроить?

АХИЛЛ Самым дерзким образом.

РЕДЕГОНДА Сказать ему, что ты мой брат?

АХИЛЛ Ничего не может быть глупее! Ни слова!

РЕДЕГОНДА Однако, мой граф...

АХИЛЛ Зачем ему об этом знать?

РЕДЕГОНДА Ты думаешь, так можно устроить? *(Смеется)*

Увы! Зла Кортичелли,
Я боюсь ее языка, она все
Разболтает! Заметь, я это говорила!

БАРОН *(Подходит к ним)*

Как, прелестнейшая? Я этого молодчика
Из зависти убью.

РЕДЕГОНДА Чем отягчать себя таким тяжелым преступленьем,
Возьмите лучше слугой его к себе, тогда он будет
Вам служить, и зависти не станет.

БАРОН Итак, хотите мне представить вашего слугу?

РЕДЕГОНДА   Ведь вы говорили, что хотите стаканы купить,
Из которых пила я, а здесь ведь человек,
Который ежедневно мне волосы причесывает
И завивает, а это больше!

БАРОН   Это — почти то же,
Что один из ваших локонов, что значит
Больше, нежели Брабант и Кипр!

РЕДЕГОНДА   Не глуп он, и будь толковее немного,
Мог бы он большего добиться:
У него есть братья и сестры, достигшие иного.

АХИЛЛ   *(Быстро)* Мы из одного города, дети соседей.

БАРОН   Когда она придет, ты будешь ей одной служить,
В другое время ты будешь слугой ее слуги.

(В задние двери вошел ювелир и стоит, выжидая. По знаку Ахилла он быстро подходит; стоят слева направо: Ахилл, Редегонда, Барон, Ювелир. Ювелир показывает Барону жемчужные серьги)

БАРОН   Не открывает ли мраморные челюсти Риальто
И изрыгает нам старого Тубала?

ЮВЕЛИР   Я вижу, что господин меня знает. Вот пара серег,
подобной не сыщет господин в целой Венеции. Некая светлейшая должна была умереть в очень затруднительных обстоятельствах, чтобы я мог достать эти серьги и предложить их господину за смешную цену.

БАРОН   *(Держит серьги в руке)*
О, жемчуга, жемчуга! Не надо камней! Жизни!
Они жизнь в себе заключают, как очи:
Говорят, что каждая звезда вверху,
Это капля золотая — целый мир:
Так похожи они, если смотреть издалека-далека,
На тела купающихся неземных существ.
Быть может, заключены в них
Дети, которых некогда месяц с морскими нимфами
Имел, они мерзнут в воздухе:
Здесь место им, они здесь пробудятся.

(Подносит их к шее Редегонды)

ЮВЕЛИР   Я вижу, господин толк знает в жемчуге *(быстро уходит)*

БАРОН   Стой, твоя цена!

ЮВЕЛИР   *(У дверей)* Я вижу, господин понимает.
Я этот знаю дом. А завтра еще день.

БАРОН Справедливо! Ведь не могу же я переплатить за них!
(Смотрит на Редегонду)

РЕДЕГОНДА Как это надо понимать?

БАРОН Разве я так дал тебе носить их?
(Редегонда протягивает ему руку для поцелуя)

БАРОН Руку! А когда ж уста? О, сегодня, сегодня,
Бесполезное ожидание — это червь
В спелом плоде. О, ожидание — ад!

РЕДЕГОНДА Если это злобное создание, Кортичелли,
Узнает — беда мне! (К Ахиллу)
Ты что-нибудь придумал?

АХИЛЛ Мы для виду уйдем со всеми вместе
И возвратимся тотчас же, как скроет
Перекресток нас.

БАРОН Молодец!

РЕДЕГОНДА Но если она заметит,
Так знай тогда, я это предсказала.

БАРОН Так ты не хочешь?

РЕДЕГОНДА О, да, но только я боюсь,
Люди завистливы, если человек красив
И не так пошл, как они.

(Сзади все отходят от стола, кроме Матери, которая выпивает еще стакан; Засси, Венье, Аббат идут вперед, Марфиза и Залаино направо. Ахилл тотчас принимает другую позу)

БАРОН Как? Вы собираетесь меня покинуть?

(Залаино близко подходит к Марфизе с горящими глазами)

МАРФИЗА *(Кокетливо)* И что же?

ЗАЛАИНО Вот что: я влюблен в тебя, влюблен,
Влюбленней, чем Нарцисс был в самого себя:
Он находил в воде себя, я нахожу твой образ
Даже в подвижных зеркалах музыки.

МАРФИЗА Больше ничего нет нового?

ЗАЛАИНО Вот что: я вырву свое «я»
Из этой грезы, вокруг которой обвилось оно, как плющ,
Если б даже пришлось разорвать все его нервы.

МАРФИЗА Как жаль! *(Отходит от него)*

ЗАЛАИНО Как?

МАРФИЗА Я только услышала «разорвать»
И подумала о платье.

ЗАЛАИНО О каком платье?
 МАРФИЗА Ты ведь купил бы мне...
 ЗАЛАИНО Я — тебе?
 МАРФИЗА Если б я пошла с тобой.
 ЗАЛАИНО Ты?
 МАРФИЗА С тобой. Я б его надела
 И ходила взад и вперед перед зеркалом
 И ждала бы тебя, ты, между тем...
 ЗАЛАИНО Ну, я...
 МАРФИЗА Ты бы этого не сделал.
 ЗАЛАИНО Марфиза!
 МАРФИЗА Нет, ты б это все же сделал!
 ЗАЛАИНО Что, что сделал?
 МАРФИЗА Ты знаешь, кто меня обидел.
 ЗАЛАИНО Как? Слишком гадко было б это сделать.
 МАРФИЗА Да. Не надо говорить, глазами только обещать!
 ЗАЛАИНО Вот! Но ты это сделаешь только за то?
 МАРФИЗА Тише! Тише теперь! Иди спокойно за мной! Осторожно! Совсем, совсем тихо! Иначе мать поднимет шум.

(Она совершенно спокойно делает несколько шагов вперед, затем, не спуская глаз с матери, медленно, пятясь, как в балете, выходит в дверь. Залаино быстро следует за ней. Мать замечает и бежит за ними. Засси в это мгновение поворачивается и бьет в ладоши. Все смеются)

РЕДЕГОНДА Что это за люди!
 АББАТ Они уже ушли.
 Последуем и мы примеру их, если и не так
 Безмолвно и не так поспешно *(Кланяется)*.
 БАРОН *(Кланяется)* Аббат!
 ВЕНЬЕ Я увижу тебя завтра, быстро приобретенный друг.
 РЕДЕГОНДА *(Ахиллу)* Иди вперед и свети!
 БАРОН Mademoiselle!
 ЗАССИ Я не нахожу слов...
 БАРОН Вы конфузите меня! *(Еще раз кланяется)* Аббат!
(Все уходят. Барон остается один; подходит к окну. Пауза — Лё Дюк возвращается с письмом)

БАРОН От кого?
 ЛЕ ДЮК Та самая старуха, что час тому назад...
 БАРОН От Виттории! *(Вскрывает письмо, читает)*
 ЛЕ ДЮК Ответ?

БАРОН Не будет. *(Ходит взад и вперед)*
Как! Она хочет придти!
Так восстает из этой ночи справа, слева
Тут — настоящее, а там — прошедшее,
Каждая — прекрасная нимфа.
И случай пляшет, задорный бог,
Как опьяневшая звезда на темном небе,
И сеет смятенье! Но это я на себя беру!
И если в темноте наносит он удары — я отражу их!

РЕДЕГОНДА *(Входит быстро, задыхаясь)*
Спрячь меня скорей! Кто-то преследует меня!
Я боюсь, что это граф! Если он найдет,
Убьет меня он и тебя. Я это знала!
Предупреждала! Я это знала!

БАРОН *(Ведет ее в маленькую дверь налево, спереди)*
Смелее! Тихо! Тут я стою, опасаться нечего тебе!

(Венье входит поспешно, взволнованный. Он очень бледен. За ним Лё Дюк, который делает знак Барону, что в передней есть еще кто-то. Барон показывает ему, чтобы он провел ее в заднюю комнату направо. Лё Дюк запирает дверь в эту комнату. В это время бьет полночь)

БАРОН *(Почти про себя)*
Как! Еще запутаннее дело! Выходят они
Друг за другом, как куклы в башенных часах,
Затем, что пробил час?

ВЕНЬЕ *(На мгновение в нерешительности останавливается в дверях, теперь быстро подходит к Барону)* Господин голландец! Я делаю теперь нечто, что можете вы понимать, как вам будет угодно, и за что после вы получите от меня удовлетворение, какое пожелаете. Обстоятельства понуждают меня к этому, аргументы, которые скопились вокруг моей шеи, как веревка палача. *(Останавливается)*

(Барон пожимает плечами)

ВЕНЬЕ Если правда то, чего я опасюсь, то перед вами стоит человек, у которого судьба совершила непостижимую кражу, кражу, перед которой обращаются в ничто все кражи, со времени той первой, знаменитой, когда те двое забрались в спящий город, украли святыню с алтаря и перерезали глотки спящим первым сном, уставшим от долгого путешествия чужеземцам. Кража, которая отнимает у об-

краденного все, все, что было, что есть, что будет, и ору-
дие этой кражи — вы.

БАРОН Мессэр Лоренцо Венье, я на двадцать лет старше те-
бя, и ты — мой гость. Это делает музыку к моему ответу.
Послушай.

Дама, что у меня сейчас, тебе — ничто;
Я не спрашивал тебя, женат ли ты,
Но это — не твоя жена и не возлюбленная,
Ни близкая тебе, ни даже достойная внимания.

ВЕНЬЕ Как можешь знать ты? Я так запутан
Через маленькую ложь, что теперь,
Когда стыд и сомнение смыкают уста мне,
Я не вижу другого средства, как разрубить
Весь этот узел, прежде чем задушит он меня.

БАРОН Твоя серьезность так далека от той, которая стоит здесь,
Как мрачное оружие от маскарадного костюма.

ВЕНЬЕ Ты не знаешь, кто мне близок, если тебе она
Не более открыла, чем я, а у ней в десять раз
Больше оснований для этого притворства.

БАРОН Если б было здесь что-нибудь, что могло бы
Свидетельствовать за меня, хоть кончик ее плаща!
Если бы мог этот светлый волос, который на занавеси
Повис тут, раскрыть свои золотистые уста
И прогнать твое подозрение.

ВЕНЬЕ Как, светлый волос?

БАРОН На занавеси остался он.

ВЕНЬЕ На занавеси! *(Рассматривает его)* Темное золото,
Как темные от фимиама внутренние купола
Св. Марка! Какого тупого глупца
Делает из меня мое воображение.
Что мне сказать? Когда придешь ты завтра,
Ты ее увидишь. Если бы ты лучше знал меня,
Ты знал бы, что не всегда таков я,
И на это взглянул бы, как на судорогу,
Которая по временам охватывает свечу,
Так что сжимается все ее пламя и она почти потухает.
Но так...

БАРОН Ты так по натуре благороден,
Очень верно сравнил себя с свечой,

Которая иной раз, теснимая мрачным дуновеньем
Жизни, колеблется. Истинно благороден
Огонь, скрыться ему не удастся, даже если мрак
Окутает его, если спрячется в теснинах
Кавказа, если скроется в пастушьей
Избе. Он всегда просвечивает оттуда.
Кто пойдет на него — колена преклонит!

ВЕНЬЕ Теперь уйти позволь мне. Так делаешь меня ты
Слишком подобным огню. Щеки мои уж пылают.

БАРОН погоди. Ты должен кое-что еще загладить.

ВЕНЬЕ Как это сделать я могу?

БАРОН Тем, что примешь эту безделушку
И будешь ее носить *(Дает ему маленькую табакерку)*

ВЕНЬЕ Золото и сапфиры!

БАРОН Если это тебе неприятно,
Думай, что это олово, я не затем ведь дал ее:
На крышке мой портрет. Тогда я был
В таком же возрасте и так же молод, как ты теперь.

ВЕНЬЕ Возьми это ничтожное кольцо, тогда мы будем
Ты — Главк, я — Диомед, прообраз
Неравной меня.

БАРОН *(Показывает портрет на крышке табакерки)*
Если бы вот этот
Так же хорошо обуздал огонь в своей крови,
Как ты, другим теперь он был бы.
Я — карточный король.

ВЕНЬЕ Дай взглянуть.

БАРОН Это — мой отец, потому что каждое сегодня —
Сын своего вчера. Я посвечу тебе.

ВЕНЬЕ *(Пристально глядя на портрет)* Это... это?

БАРОН Мой портрет. Я говорю, давно то было.

ВЕНЬЕ Твой портрет?

БАРОН Ты побледнел, как воск.

ВЕНЬЕ *(Кричит)* Это сон, сон!
Ведьмы и черти на моей постели! *(Падает в обморок)*

(Барон и Лё Дюк водой стараются привести его в чувство)

РЕДЕГОНДА *(Выходя из двери)*

Ах, я погибаю от страха! Что здесь такое?
Должно быть, вы все в заговоре,

И никто не встанет мне на защиту!
И где же мой брат?

БАРОН Брат твой?

РЕДЕГОНДА Да, Ахилл — брат мой,
Знай это. Все равно из секрета ничего
Не выйдет, а этот (указывает на Лоренцо) —
Муж Виттории, певицы.
Я это говорю тебе нарочно, потому что делал он
Мне знаки не говорить! Потому что, если я хочу,
Чтоб кто-нибудь из них о чем-нибудь молчал,
Для меня этого не делает никто.
Правда, я не знаю, почему он это от тебя скрывал,
Но все-таки я прямо говорю тебе! И ухожу!

БАРОН Это муж?

РЕДЕГОНДА Да, да. Она только не носит
Имени его на сцене, потому что он —
Здесь дворянин, однако же они
Женаты. В другой же раз,
Когда будет у тебя столько дел с мужчинами,
Никого не приглашай ты мерзнуть до смерти
В комнате темной! Совсем это невежливо.

ЛОРЕНЦО (Открывает глаза) Рассветает.

(Встает; Редегонда убегает)

Ей-Богу, это Редегонда!

(Тяжело дыша, держится за стол)

Так я не дома!

(Замечает табакерку на полу, поднимает ее)

Нет, вот свидетельство,

Что я еще в уме. До свидания.

Однако ж есть тут узел, который распутать надо

И это будет сделано! Будь это к злу или к добру!

(Быстро уходит)

(Барон после небольшой паузы делает знак Лё Дюку: «веди теперь другую». Пауза. Виттория появляется справа)

БАРОН (Стоит впереди у стола. Она дрожит от волнения, не может начать говорить) Ты ли это, дорогая?

ВИТТОРИЯ (Не может говорить, должна сесть. Пауза)

У тебя был кто-то.

(Она говорит почти бессознательно, не переставая смотреть на него)

БАРОН Да, твой муж.

ВИТТОРИЯ *(Не понимает его, совершенно не расслышала в своем возбуждении его слов; она хочет встать, ее колени дрожат, голос прерывается; снова садится)*

Слишком многое было в слишком много лет:

Одно перебивает другое. Дай мне плакать.

(Она беззвучно плачет; он идет к ней, целует ее руку; она нежно отнимает ее от него)

Ты ни о чем меня не спрашиваешь, и ты прав:

Время расспросов прошло для нас.

БАРОН Дорогая, как ты сейчас узнала меня!

ВИТТОРИЯ Странно,

Вот теперь я вижу, ты изменился, а в театре

Будто молния меня пронзила, кровь моя в грозе

Твой прежний образ создала.

БАРОН Так он живет в тебе?

ВИТТОРИЯ Ты спрашиваешь? *(Пауза)*

И имени своего ты больше уж не носишь,

Сбросил, как старую одежду.

БАРОН Что в имени. Разве я — не я?

ВИТТОРИЯ Да, но ты ли это?

Я — та же. Мне кажется, что в этом городе,

Где нет садов, где только камень и вода,

Я не могла состариться, как старятся другие,

Только гораздо прозрачней и менее довлеющим

Земле мне стало все казаться: это,

Верно, благодаря глазам, которые дает нам осень.

Ты был мне весною, летом, солнцем и месяцем

В едином! Милый, чувствуешь ли ты, что это я?

БАРОН Чувствуешь ли ты, что это я? *(Хочет ее поцеловать)*

ВИТТОРИЯ Не надо! Что ты хочешь сделать?

(Пауза. Она продолжает нежным чистым голосом, кротко глядя)

Чувствую ли я, что это ты? И да, и нет.

Я у тебя, и все ж сама с собой.

БАРОН Рассказывай о себе.

ВИТТОРИЯ Тот ли это еще голос?

По временам смотрю я вечером на воду:

Она преображается, будто элемент,

Что с звезд нисходит. Бесшумно

Сбрасывает и снова одевается покровом,

Непрестанно создает и разрушает тьму образов
Существ миров нездешних:

Так и во мне. Вот что произошло со мной.

БАРОН Больше, больше рассказывай о себе.

ВИТТОРИЯ *(Все оживляясь)* Слышал ты, как я пою?

Говорят, что в большом храме
От моего пения становится мрачнее и светлее.

Говорят, мой голос — птица,
Сидящая на ветке небесной славы.

Говорят, что когда я пою, радостно
Сливаются ручьи; один, с золотою водой, —
Забвения ручей, другой — серебрянный,
Блаженного воспоминанья.

В моем голосе — высшее блаженство носится
На золотых вершинах, и золотая бездна
Глубочайшей скорби витает в нем.

Это все, что я имею, а внутри пуста,
Как сводчатое тело лютни —

Ничто, приют дарующее миру грез.
И все от тебя, твое созданье; твой отблеск.

Ибо как элемент свое творенье создает,
Как море — раковину, и воздух — мотылька,
Так это создала твоя любовь.

В любви к тебе, питаюсь только ею,
И не способное ни дня дышать,

Помимо ей, одетое лишь в краски,
Взятые из элемента,

Выросло чудо — это дитя воздуха,

Рабыня и госпожа музыки, сестра

Белых богов, спящих в земле,

Это созданье, которое я называю: мой голос,
Мечтатель иной назовет: мой добрый гений.

БАРОН Как быть могу я виновником таких чудес?

ВИТТОРИЯ Мой милый, это так. Вот как это случилось:

Когда меня покинул ты, был мрак вокруг меня
И птицей, порхающей во тьме по веткам,
Мой голос тебя искал.

Ты жил — мне было этого довольно.

Я пела и ты являлся чудом предо мной,
Порой я думала, что ты так близко

И могут звуки в воздухе
Тебя схватить орлиными когтями.
В воздух подымались острова, и ты
На них лежал, когда я пела. И мне всегда казалось,
Что будто бы все время одно я восклицаю:
Он — виновник всего блаженства и всех мучений!
А я — ничто, не смотрите! Это он вас потрясает!
И жалобы мои склонялись вниз,
Будто глубокие ступени, с отдаленным громом
Внизу захлопывались ворота, мой голос
Обнимал тебя, весь мир,
Ты был в нем.

БАРОН Будь вновь моей, Виттория.

ВИТТОРИЯ Я не могу. Нет. Не могу!

БАРОН Кто это запрещает?

ВИТТОРИЯ Кто? *(Маленькая пауза)* Люди также.

БАРОН Твой муж?

ВИТТОРИЯ Вся моя судьба

Чудовищно противится. Ты этого не чувствуешь?

Она окутывает меня своею тенью.

БАРОН Ты лжешь! Ты меня любишь, но тобой овладевает страх!

ВИТТОРИЯ О, нет, не страх, одно благоговенье

БАРОН Иди ко мне: мы будем жить.

ВИТТОРИЯ На могиле нашей юности? *(Качает головой)*

У меня есть дом, у меня... *(Про себя)* Рано, рано еще!

Настанет час, когда и это он узнает!

БАРОН *(Снова хочет привлечь ее к себе)*

Принадлежи мне вновь! Вспомни то, что было!

ВИТТОРИЯ *(Отступая)* Я это помню. Во мне нет нерва,

Который не помнил бы об этом. Вот почему оставь меня!

Ты вспомни! Вспомни об ужасном,

Что наступило, когда кошунственной рукой

Хотели мы раздуть истлевшееся пламя.

Вспомни эту муку! Мне кажется, что я должна

Погибнуть от стыда, когда подумаю об этом,

На краю постели мы сидели, как бледные убийцы!

Ты это помнишь? Оцепенелым остановился воздух

Ночи, и за окном изрыгала гора свое красное пламя

И освещало твои и мои муки.

БАРОН О чем ты говоришь?

ВИТТОРИЯ О тех трех днях в Неаполе,
 Когда, подобно призракам своим,
 Лежали мы в объятиях друг с другом, бледными губами
 Слова произнося позорно, что более уж не были правдивы!
 И поцелуями, нет, скорее ранами кровавыми
 Каждый осыпал другого сердце, пока не разогнал
 Нас ужас!

БАРОН В Генуе!
 Это было в Генуе. Было слишком близко
 От нашего великого счастья, наши ресницы
 И концы наших пальцев были опалены
 От чрезмерного пламени. Какой я был глупец,
 Чтобы так тебя мучить, какой глупец
 И злодей! И все из-за подарков!

ВИТТОРИЯ *(Совершенно сбита)* Подарки?

БАРОН Которые маркиз...

ВИТТОРИЯ *(Повторяет)* Маркиз... мне?

БАРОН Гримальди

ВИТТОРИЯ *(Беззвучно)* Как?

БАРОН Который тебе построил виллу.

ВИТТОРИЯ Мне виллу?

БАРОН Ту, в роше пиний.

ВИТТОРИЯ Это был Неаполь, а не Генуя!
 О вилле я ничего не знаю! Никогда
 Не мучил ты меня из-за подарков!
 Никогда я не слыхала имени Гримальди!
 Это было в Неаполе! В Неаполе! Я была одна!
 Никакого Гримальди! Я была совсем одна,
 Вернее, не совсем. Кто был со мной,
 Того тогда тебе я не сказала, зубами
 Я держала единственную тайну, как лохмотья
 Покрывала для моей души.

БАРОН Так неужели все я
 Перепутал: и место, и лицо?

ВИТТОРИЯ Он смешал! Он мог это забыть,
 Как забывают содержание плохого фарса,
 Название гостиницы или лицо танцовщицы, *(Плачет)*
 И если это мог забыть он, чего
 Он не забыл? *(Пауза)*
 Он больше не помнит! Эх, глупая! Вот жизнь.

- Теперь я спокойна. Видишь, как маленький ребенок,
Раньше я была и прерывала нашу болтовню
И мирные рассказы. *(Пауза)*
Слыхала я, что был ты целый год
Здесь в камерах свинцовых, выход
Своими руками вырыл себе, на платках
Спустился ночью на крышу церкви...
БАРОН Затем последовал прыжок. Но много было
Надето на мне платьев одно на другое, внизу
Зеленый мой камзол...
- ВИТТОРИЯ Зеленый камзол!
- БАРОН Ты плачешь?
- ВИТТОРИЯ Это было так скоро после того...
- БАРОН Не прошло и полгода. Сверху надет был
Наряд священника. Снаружи этот ком
Прикрыт был толстым датским дворянином
В парике и с орденом.
Я прыгнул и ранил только палец.
- ВИТТОРИЯ *(Нежно гладит по руке, которая лежит на столе;
с кротким упреком)*. И вот ты снова вернулся!
- БАРОН Кто меня узнает?
- ВИТТОРИЯ Я тебя узнала.
(Барон целует ей руки)
- ВИТТОРИЯ *(Смочит на его, улыбаясь)*
И женщин, женщин, женщин,
Как волн! Как песку морского! Как звуков
На струнном инструменте!
(Легко проводя рукой по его лбу)
Это был берег,
Прости, это есть берег, куда пристаёт
Легкий челн легкого бога, нагруженный всякий раз
На этом берегу.
Но мне пора идти.
- БАРОН Как! Когда же ты снова придешь?
- ВИТТОРИЯ Я, снова? Никогда! Это было раз,
И только раз могло быть.
- БАРОН А я?
- ВИТТОРИЯ Вероятно, также нет.
- БАРОН Ты раньше не расслышала, что я сказал:
Твой муж...

ВИТТОРИЯ Я слышала, но думала, мой слух меня обманывает.

БАРОН Твой муж сегодня сделался моим другом.

(Виттория удивленно качает головой)

БАРОН Как бы то ни было, но это случилось.
И завтра он, который ничего не знает, сам
Подведет меня к тебе и скажет имя.

ВИТТОРИЯ Твое?

БАРОН Нет, то, которое ношу теперь. Нам следует
Обдумать.

ВИТТОРИЯ Да: обдумывать, лицемерить, лгать.
Я вижу, своего обычая жизнь не оставляет,
И если сдержит какое-либо из своих обещаний,
То смешает бурное мгновенье
Из смятенья и беспокойства и
С двусмысленной улыбкой на устах бросит под ноги
Ошеломленному подарок.
Тебя мне завтра подведет с доверчивой
Улыбкой мой муж, который ничего не знает.
Что скрыто от тебя, хотела показать тебе
При чистой встрече в тихой пристани.
Теперь же все, как будто бы разнузданный
Портовый город, полный шуму, где соловьи молчат.
Но разве в этом темном мире самый свет
Не должен показываться вооруженным? Наденем
Броню музыки и будем делать все,
Что справедливым и хорошим нам покажется.
Могущество в руках у жизнерадостных. Теперь
Покойной ночи. *(Уходит)*

(Пауза. Барон, потом Лё Дюк тушит несколько свечей)

ЛЕ ДЮК Прикажет господин готовиться на ночь?

БАРОН Да, да, Лё Дюк: Желтый сундук получен?
Принеси сюда.

(Лё Дюк приносит желтый сундук, открывает его)

БАРОН Мазь для рук почти вся вышла.

ЛЕ ДЮК Я написал в Марсель.

БАРОН Прекрасно. Новый слуга какой? Нравится тебе?

ЛЕ ДЮК Я не могу поверить, чтоб ваша милость
Серьезно предполагали пополнять ряды
Своих слуг комедиантами.

БАРОН Как? Серьезно что-нибудь подобное? Ты можешь быть покоен.

ЛЕ ДЮК Я совершенно был покоен. В противном случае
Я тотчас попросил бы вашу милость
Отпустить меня.

БАРОН *(Тонем кроткого упрека)* Лё Дюк! Лё Дюк! *(Пауза)*
Мне недостает движенья!

ЛЕ ДЮК Прошу прощенья, я сравниваю
Вашу милость в каждом городе по внешности
С другими, равных с вами лет, нет,
Скорее с младшими, и каждый раз с удовольствием
Убеждаюсь в результатах моих сравнений.

БАРОН Последние дни на корабле, их я чувствую,
Лё Дюк, мы пофехтуем перед сном.

ЛЕ ДЮК Прошу прощенья, рапиры в Местре
Вместе с прочими вещами.

БАРОН Так начнем борьбу.

(Снимает часы, кольца, браслет. Лё Дюк снимает верхнее платье и с поклоном становится в позу. Внизу сильно стучат в дверь. Оба прислушиваются; еще раз раздается стук)

БАРОН Иди, посмотри.

(Стук усиливается)

ЛЕ ДЮК *(У окна)* Гондола с масками!

БАРОН Есть женщины?

ЛЕ ДЮК Нет, одни мужчины.

БАРОН Так это мессэр Гранде и моя смерть!

(Дико озирается, хватая Лё Дюка за горло)

Это ты меня продал, негодяй! Никто, как ты!

Больше здесь никто меня не знает!

ЛЕ ДЮК Ваша милость, вот нож. Зачем же своими руками?

(Обнажает свою шею)

БАРОН *(Роняет нож)*

Прости. Что это! Неужели я пуглив так!

Дай мне кольца. Оденься, Лё Дюк.

В доме другого нет выхода. Вчера еще

В безопасности, как в лоне матери.

Пусть будет проклято мое легкомыслие! Как?

Он устроен, черт побери, как мышеловка.

(Лихорадочно роется в сундуке)

ЛЕ ДЮК Сундук?

БАРОН Нет, дом...

(Выбрасывает из сундука платье)

...это орден золотой шпоры.

ЛЕ ДЮК Что ищет ваша милость?

БАРОН *(Продолжая рыться)* Надень его.

ЛЕ ДЮК Орден?

БАРОН Ты! Я этого хочу!

И если палач стоит внизу, пускай, по крайней мере,

Ему отворит двери камергер. Иди!

Не так, бери большой подсвечник. Иди!

Господин твой принимает.

(Повторяется снова несколько сильных ударов; он замолкает, делает знаки Лё Дюку пойти; тот уходит. Один. Сильно дрожит. Берет маленькую бутылочку, которую вынул из сундука, и прячет ее к себе)

Если это они, это мне поможет. Зачем?

Я мог бы еще раз убежать. Нет, нет, нет.

Еще раз это все: своими ногтями

Буравить стену, прислушиваться к дыханию

Сторожей, испытывать все муки, когда

Последний негодяй приблизится на два шага

К постели — еще раз это все?

Я вижу, жизнь не хочет одно и то же

Повторять два раза... Чем однажды

Душа наслаждалась и что пережила, то,

Приходя вторично, то налагает на нее

Огненную печать отвращения, стыда и муки.

Это близко обычаю на галерах:

И здесь и там одно и то же — сопротивляться.

(Лё Дюк возвращается с письмом)

БАРОН Что там? Чего они хотят?

ЛЕ ДЮК Их нет, ушли

И бросили мне это в дверь.

БАРОН *(Внимательно читает, затем порывисто смеется)*

Мы будто Арлекин и Труффальдино

В безумной пьесе. Герцогиня

Сансеверина делает мне честь большую

И — угадаешь ли? — ревнует.

ЛЕ ДЮК По меньшей мере, это перемежающаяся лихорадка,
Промежуток долог был.

БАРОН Сенная лихорадка однажды
В год, но жестоко. Она пишет, будто знает,
Что побудило меня сюда приехать.
Я этого и сам не знаю! Кроме задора,
Который всегда манит мышей к ловушке.
И, словом, она грозит, грозит, что если
Завтра вечером Венеция не будет за плечами
У меня, в дороге уж письмо, которое
Инквизиторам меня предаст.
Мы поедем. Она — такая женщина, что слово сдержит.
Но пора в постель; эта смесь пестрая
Свиданья и разлуки, страха и веселья
Кружит так голову, как-будто несколько ночей
Я в карнавале веселился.
Мы поедем завтра, правда, не раньше вечера.
Виттория хотела что-то мне показать...
Что это могло бы быть? Она почти так же прекрасна
Как тогда... но вижу, не следует пытаться
Переживать одно и то же дважды. Как будто
Чьи-то руки удерживали нас сзади. Странно.
Я хотел бы, чтобы Редегонда осталась!
Ту никакие призраки не сжимают воздухом,
Как тесным кольцом решетки. Я думаю,
Что десять лет назад я этого не испытывал бы.
Подобные явления — твои предвестники, ты,
Кого я не хочу назвать, кому неслышными
Стопами служит время... *(Переменяет тон)*
О, город прекрасный,
Вечно неизменный! Сегодня был хороший день,
Будем его помнить! Такой причудливый,
Как-будто вышел из головы поэта!
Но зачем я трачу время сна на болтовню?
Будем стараться, чтобы за этим «сегодня» лучшее
Последовало “завтра”.

(Оборачивается к двери спальни еще раз)

Напиши о помаде. Да, ты сделал. Хорошо!

ДЕЙСТВИЕ 2.

Большой веселый зал в доме Венье. На заднем плане большая дверь и два больших с красивой решеткой окна на канал. Налево и направо двери. На правой стене на высоте комнаты маленькая открытая галерея. На потолке и над окнами фрески во вкусе Тьеполо. На переднем плане влево стоит маленький рояль, посредине залы очень большой стол с золочеными ножками, на нем в большой вазе цветы. На дворе белый день.

Входит Лоренцо и его дядя, сенатор Венье. У сенатора поверх его платья накинут тонкий черный маскарадный костюм; черную маску и головной убор он держит в левой руке. Правой он опирается на палку.

ЛОРЕНЦО (Бледен и возволнован; говорит, входя; затем оба о-становливаются посредине)

Я прошу тебя, дядя, не спрашивай меня о причинах
Того, что для меня так же естественно,
Как дыхание. Да разве все вы не знаете,
Что она для меня? Прошу тебя, иди!... Останься!
Я не был веселым ребенком: ты ведь знаешь,
Как легко овладевала мною печаль,
Как быстро охватывало смертельное оцепенение, когда
Из-за кустов жизни смотрела на меня.
Широко раскрытыми глазами медузы пошлость.
Я нашел ее. Я нашел единственное существо,
Из руки которого струился жизни ключ,
К которому я мог прильнуть устами
И выпивать блаженство бытия!
О, если б хоть половину той жизнерадостности,
Что видится во взоре ее, она могла бы передать мне,
Ты ловил бы всякое слово мое,
Как ловит свет все исходящее из ее уст,
И не испытывал бы ничего другого, как только жела-
ние жить!
И от этого могла отказаться хоть одна
Капля моей крови? Это — кровь Венье,
И, как колодец в сказке, яростно она бурлит,
Когда ее чистого зеркала приблизится неблагород-
ное дыхание,

И клокочет в жилах с такою яростью,
Как в клетке раздраженный лев.
Ты справедливо мне напомнил: это — кровь Венье,
И столько есть еще в ней благородства,
Чтобы платить, как платят короли,
А не как торгоши, за одно мгновение
Ценою сбережений многих лет
Или последним золотым из разоренной
Гробницы предков, — за ничтожную
Улыбку самим собой, за грезу — жизнью!

(При последних словах, которые он произносит больше про себя, он отворачивается от старика и делает несколько шагов вперед. Старик, качая головой, надевает свою маску и уходит в большую дверь на заднем плане)

ЛОРЕНЦО *(Оборачивается, замечает, что остался один)*

Уж ушел, привиденье? Пойду я к ней.

Быть может,

(Останавливается у двери влево)

Она спит еще! Тогда я подожду.

(Отходит, садится в кресло посреди комнаты)

Теперь я шажу ее сон, а скоро, может быть,

Убью я сон многих ее ночей!

Теперь я принял близко к сердцу, что кто-то

Только хотел на тень ее наступить, а скоро,

Может быть, железными пальцами буду беречь

Раны ее сердца и мои!

ЧЕЗАРИНО *(подходит сзади, кладет ему руки на плечи)*

ЛОРЕНЦО *(Вздрагивая, хватая руку Чезарино)*

Виттория!

(Чезарино становится рядом с ним)

Лучше было бы, если б руки ваши

Были не так похожи!

ЧЕЗАРИНО Почему же лучше?

(Пауза)

ЛОРЕНЦО Скажи, ты никогда не знал своей матери?

ЧЕЗАРИНО Как, нашу мать?

ЛОРЕНЦО Твою.

ЧЕЗАРИНО Она была, ведь, и матерью Виттории.

ЛОРЕНЦО Да, конечно, конечно.

(Он пытается сравнить Витторию с портретом на табакерке, которую он держит в полузакрытой левой руке. Чезарино отходит назад)

ЛОРЕНЦО Куда ты идешь?

ЧЕЗАРИНО Посмотреть, не идет ли кто.

(Уходит в дверь направо)

ЛОРЕНЦО *(Идет за ним, с табакеркой в руке)*

Одно лицо! Одно лицо! Одно и то же лицо!

(Останавливается, опустив голову)

(Виттория появляется слева, тихо подходит к нему. Он отступает, грустно смотрит на нее. Она берет его голову своими руками. Он снова отступает. Пауза)

ВИТТОРИЯ Ты выглядишь невесело.

ЛОРЕНЦО Я не весел.

(Пауза)

ЛОРЕНЦО Виттория, как ты спала сегодня?

(Не дожидаясь ответа, продолжает)

Знаешь, однажды утром я проснулся,

Когда ты еще спала. Я склонился над тобою

И ненавидел твои глаза, ненавидел твои веки:

Я как-то понимал, что полный жизни

Сон скрывается под ними,

В котором участия я не имел, я не имел участия,

Ни тени участия!

ВИТТОРИЯ Да, мой милый.

Но это было потому, что я спала, теперь я бодрствую.

ЛОРЕНЦО Нет! Это потому, что ты не спишь! Но тогда

Я должен был бы не только веки, я должен был бы

Неспящие глаза и губы ненавидеть,

И этот чудный ясный лоб и все!

ВИТТОРИЯ Не понимаю я, что значит все, о чем ты говоришь!

(Пауза)

ЛОРЕНЦО Скажи мне, что я тебе?

ВИТТОРИЯ Ты — мой муж.

ЛОРЕНЦО Так ты — моя жена, а муж и жена,

говорят, одно. Мне кажется, это не так.

ВИТТОРИЯ Ты — нечто целое, я — тоже.

И могу я отдавать себя, как нечто целое,

И веноч не могу развязать, составляющий мое существо.

Зачем ты мучаешь себя и меня подобными словами?

ЛОРЕНЦО Тебе еще не ясно? Так вот портрет!

(Подает ей табакерку)

А тот, кто его дал мне, — никогда еще природа
Так громко не кричала — отец мальчишки,
Которого ты называешь братом!
Но он — твой отец, с тобой он не похож,
О, нет, не твой отец, и слишком молод!

(Почти задыхаясь)

А руки мальчишки опять-таки с твоими
Слишком схожи, чтобы ужасное, смущающее
Подозренье огнем не пожирало мою мысль,
Питаюсь еще сотней других вещей неясных.
Потому что тот, кто это дал мне,
Тот самый человек, чей взгляд вчера
Заставил в опере тебя под румянами так побледнеть,
Как если б белая молния пронзила твое тело.

(Останавливается)

ВИТТОРИЯ *(Устремив на него взгляд, спокойно)*

Быть может, испугалась я. Я так давно,
Так давно не видала его, и мне показалось,
Будто вслед за ним и мать моя должна
Прийти, восстав из гроба, послушать,
Как пою я. Его я часто видела ребенком, до того дня,
Как мать моя скончалась и оставила меня
С новорожденным братом.

(После маленькой паузы)

Мои руки
И руки брата, кажется, походят
На руки нашей матери. Мне было тогда
Десять лет, и мой отец давно уж был в могиле.

ЛОРЕНЦО Как, твоя мать была два раза замужем?

ВИТТОРИЯ Нет, я была ребенком, понимавшим много.

И ты поймешь, каково мне было через семнадцать
Лет вновь увидеть этого человека. Он виной
Того, что умерла моя мать и что живет
Мой брат. Но будем теперь молчать! Они идут.

(Чезаринно и Марфиза подходят. Лоренцо делает несколько шагов к ним навстречу. Они снова удаляются. Одна, посредине)

Я лгу, как лжет могильная плита, и я ведь
Единственная, в которой, как в могиле,
Живет приключение забытое.

ЛОРЕНЦО *(Снова подходит к ней)*

ВИТТОРИЯ *(Не оборачиваясь)* Ты их снова отослал?

ЛОРЕНЦО *(Наступая на нее)* Виттория, сделай так, чтобы я
мог тебе поверить!

ВИТТОРИЯ *(Смотрит на него раскрытыми глазами)* Лоренцо,
что я для тебя, если ты можешь теперь сомневаться?

ЛОРЕНЦО Ты — все для меня, все — так или иначе, добро
или зло. Единственный дар, который мне когда-либо бро-
сила жизнь, но такой, который заключает в себе все
остальные... Виттория, я боюсь сомневаться в тебе и
боюсь тебе поверить. Что бы ты ни говорила, я все же
боюсь, что жизнь перехитрит меня.

ВИТТОРИЯ О, она перехитрит нас всех, мой друг.

ЛОРЕНЦО *(Настойчивее)* Виттория, сделай, чтобы я мог тебе
поверить! Вспомни, как вошла ты в мою жизнь, отягченная
тайнами...

ВИТТОРИЯ Было время, когда именно за это [ты] любил меня
больше. Ты сам сравнивал мое существо с туго сплетен-
ным венком. Да, я — не твое создание, я — создание жи-
зни и обременена отблеском пережитых страданий; уве-
шанная золотом застывших слез, вошла я в твою жизнь.
Вспомни, как это началось, Лоренцо. Лгала я? Обещала я
слишком много?

ЛОРЕНЦО Я помню, Виттория. Твои слова никогда ничего не
обещали. И твое молчание — также, мне кажется так. Это
была твоя сущность, которая обещала невыразимое, и
сдержала, Виттория, да, более чем сдержала!... Я был, ве-
роятно, не самый несчастный человек в мире, но быть мо-
жет, наименее счастливый — и я нашел тебя. Какой это
был дар! Я, который не находил радости в мире и в солнце,
я научился любить лампочку, потому что она освещала
тебя! Ты была единственной действительностью в моей
жизни, опорой, на которой я построил мой мир — ты, обре-
менная тайнами, ты, создание жизни, о которой я ничего
не знал! Я слишком полюбил тебя любовью, которая по-
трясла мое существо и раскрывала по временам во мне
бездны опустошенья, как чудовищный гнев!

Но если в твоих речах, в твоём молчанье,
 Как в гнезде или в обрыве,
 Живут жабы, ложь живет рядом с ложью,
 И с самого начала все дальше и дальше, —
 А это возможно, ужасно возможно! —
 Что остается нам тогда, Виттория, чтобы
 Могли мы оба продолжать жить?
 Скажи, Виттория, что остается?

ВИТТОРИЯ *(По ее лицу видно, будто она на что-то решается
 Она идет к столу и звонит в маленький колокольчик)*

ЛОРЕНЦО Что ты хочешь сделать?

ВИТТОРИЯ Единственное, что может тебя успокоить. Я хотела этого избежать, во что бы то ни стало избежать. Но теперь это должно произойти. Мы должны пойти к нему. Ты должен присутствовать, когда я снова увижу его, и он увидит меня. Тогда ты, быть может, будешь в состоянии поверить мне. Или он должен придти сюда. *(Еще раз звонит)*

ЛОРЕНЦО *(Взволнованно)* Виттория, то, чего ты хочешь, уже сделано. Он придет.

ВИТТОРИЯ *(Беззвучно)* Он придет!

ЛОРЕНЦО Я сделал то, что ты хотела сделать.

ВИТТОРИЯ Ты уж сделал это, уж сделал это!
(Слуге, появившемуся из двери справа)
 Иди, не надо.

(Слуга уходит)

Ты просил его придти, чтоб испытать меня?

ЛОРЕНЦО *(Дрожащим голосом)* Не знаю — так вышло, так случилось. Но так как теперь ты хочешь, Виттория... Ты сама этого хочешь — то все хорошо, Виттория! *(Маленькая пауза)*

Что делает тебя теперь печальной?

ВИТТОРИЯ *(Очень серьезно)*

Ты об одном совсем не подумал.

Что, если он придет и увидит меня, и увидит того,
 И возьмет его у меня? Лоренцо, возьмет его у меня!

ЛОРЕНЦО Как, разве он знает свое дитя?

(Виттория отрицательно качает головой)

ЛОРЕНЦО Узнает он тебя?

ВИТТОРИЯ Быть может. А тогда? Что тогда, он — отец,
 А я — не мать; что значу я,

Сестра, если он захочет забрать свое дитя?

(Смотрит на Лоренцо)

ЛОРЕНЦО *(Расстроенный)*

О, горе мне, всегда я больно делаю
Себе и другим.

ВИТТОРИЯ *(Тихо дотрагиваясь до него руками)*

Так лучше.

Если только ты будешь в состоянии тогда поверить,
Мой милый, и согласишься, что я твоя.

ЛОРЕНЦО *(Мучительно)* Моя! Но как?

ВИТТОРИЯ Настолько вполне, насколько могу. Но тише, идут.

ЛОРЕНЦО Посмотри еще раз на меня!

ВИТТОРИЯ Вот! *(Целует его взглядом)*

ЛОРЕНЦО Милая! Милая!

(Марфиза и Чезарино, болтая, подходят, Лоренцо идет им навстречу)

ВИТТОРИЯ *(стоя одна посреди сцены, кротко говорит)*

Я не могу видеть, что лицо его так бледно
И так угнетено сдержанною мукой.

(В то время, как она говорит дальше, лицо ее принимает совершенно изменившееся выражение внимания, почти строгости)

Ради него я до конца лгала бы.

Теперь подобна я блуждающей по крыше,

Куда не ступит разумного нога.

А кто окликает по имени меня — меня погубит.

Но если бы другой похож был с этим,

Здание рухнуло бы скоро!

Теперь должна я выждать спокойно,

Что бы ни случилось. Но если ошиблась я

В расчете на одного, я вырыла могилу всему своему
счастью.

(Подходит к роялю и, стоя, берет несколько аккордов)

ЧЕЗАРИНО *(Подходя к ней)*

Позволь мне не присутствовать, когда

Вы будете возиться с этим ужасным стариком.

ЛОРЕНЦО О ком он говорит?

ВИТТОРИЯ О старом Пассионеи.

Он придет потом. Видишь, у меня также будут гости.

- ЧЕЗАРИНО Я с такой же охотой смотрел бы на свою
Раскрытую могилу, как на этот ходячий ужас.
Когда я вижу, как он ест и как валится
Ягода из рук его, я думаю всегда, быть может,
Скоро отвалится и палец!
Да простит мне Бог, я радуюсь иной раз,
Что никогда не видел мать и
Видеть не должен, как разрушается она!
Ты мне мать заменяешь, и ты молода!
Позвольте мне вон с ней в другую комнату уйти.
Пусть сидит она на стуле в пустой комнате,
Как покинутая Ариадна,
Я же буду Вакх, посещающий ее!
Я яблоко буду катать, круглое, как ее колено,
Тогда она будет Атланта, я — жених,
Который хочет расположить ее [к себе] большою лестью!
- МАРФИЗА Вот голова, где хитрость мужчины и женщины
Вместе поселилась. Из лицемерия
Говорит он то, что думает, и этим
Лучше прикрывает свою мысль, чем ложью.
- ЧЕЗАРИНО *(Показывая на нее)*
Вот голова, где скрыта голова Цирцеи,
Которая, когда спит она, просвечивает,
Как фосфор сквозь слоновую кость, сквозь эту маску.
Я боюсь, она всех нас в светляков обратит
И на булавках в волосы свои воткнет.
- ВИТТОРИЯ Нет, оставайтесь здесь.
- ЧЕЗАРИНО Я здесь не останусь и хочу,
Чтобы она пошла со мной. А если будешь ты
Препятствовать, я буду так кричать, что
Вон тот, на потолке, из нарисованных рук
Выронит свой нарисованный венок.
- ВИТТОРИЯ Марфиза, пойди, пожалуйста. У меня пред зерка-
лом лежат раскрытые ноты, принеси их мне.
(Марфиза уходит налево, Лоренцо отходит назад. Виттория порывисто целует Чезарино в лоб)
- ЧЕЗАРИНО Что с тобой, сестра? Ты не такая, как всегда!
Нет, не лги, ты чего-то боишься!
Что это, сестра, милая сестра, что?
- ВИТТОРИЯ Иди к Марфизе, не обращай внимания на меня!

ЧЕЗАРИНО Ни с места, прежде чем ты не станешь иная.

Ты! Ты!

ВИТТОРИЯ Нет, иди, мое дитя. Ты ведь здесь,
Ты и мой муж. Чего же мне бояться?

ЧЕЗАРИНО Я не знаю, что это, однако чувствую,
Что что-то есть. Ты — головокружение,
Закутанное в тонкую вуаль.

ВИТТОРИЯ Все мы ничто иное, как это.
Постой, сейчас пойду я навстречу гостям,
А потом спую что-нибудь из музыки,
Написанной им.

ЧЕЗАРИНО Кем?

ВИТТОРИЯ Пассионеи,
Стариком, к которому ты чувствуешь такое отвращенье.

ЧЕЗАРИНО Заметь, он не узнает, что мелодия его,
И заснет, пока ты будешь петь.

(Виттория кивает ему, идет назад)

ЧЕЗАРИНО *(Стоя направо, смотрит ей вслед)*
Она идет не как обычно. Не успокоюсь,
Пока я не услышу, как она поет. Но я боюсь,
Сегодня она не будет петь. О, горе, что мне
Теперь уста Марфизы! Милая сестра,
Малейший страх за тебя мрачит мне мир
И мутным делает его, как клинок потускневший!

(Марфиза появляется слева, кладет ноты на рояль, отходит вправо к Чезарينو)

ЛОРЕНЦО *(Снова выходит слева, знаком подзывает к себе Витторию и ведет ее по левой стороне сцены несколько шагов вперед)*

Виттория, еще лишь слово!

(Виттория подходит к нему)

ЛОРЕНЦО *(Говорит быстро)*

Если он не узнает свое дитя и тебя —
Что может случиться

— прошу тебя: ему ничего не говори ты!

ВИТТОРИЯ *(Смотрит на него удивленно)* Как?

ЛОРЕНЦО Теперь я настолько силен, чтобы и так тебе поверить!

ВИТТОРИЯ *(Мягко)* Как ты хочешь, как ты действительно хочешь.

ЛОРЕНЦО *(Поспешно)*

Я хочу, чтобы ты за Цезарино
Совсем не боялась из-за моей слабости!

ВИТТОРИЯ *(Быстро)* О, не брани себя!

ЛОРЕНЦО Тише, идут гости.

(Они поворачиваются назад. Сзади, будто восходящие по ступеням из гондол, приветствуемые Лоренцо и Витторией следующие: Аббат, старый композитор, которого ведет его старая служанка, и Редегонда. За ними Залаино, немецкий граф и три музыканта со своими инструментами)

АББАТ *(Опускаясь на одно колено перед Витторией)*

О, прекраснейшая Эвридика, что меняется ролью
С Орфеем, она его вызывает обратно
И ведет его ввысь из царства теней!

(Служанка снимает со старика большой плащ и большой галстук)

ВИТТОРИЯ Кого вы подразумеваете, Гамба?

АББАТ Вас и вот этого!

ВИТТОРИЯ *(Смотрит на Пассионеи)*

Такую силу имеет время, ведь оно ничто,
Не бьет час, не льет нам в ухо яду,
И такое действие!

(Старик шепчется с своей служанкой)

ВИТТОРИЯ Пожалуйста, друзья, не знаете ли вы, чего он хочет?

РЕДЕГОНДА Он боится каждого прохладного дуновенья.

ВИТТОРИЯ Так приведите его сюда, здесь он защищен.

(В то время, как все идут вперед)

Такими зрелищами жизнь нам сокращает
Время, у которой мы гостями.

По ее воле живые распадаются перед нами

В прах, как яблоко содомское,

Прежде чем погаснет в нашем взоре

Их цветущий образ. Исчезнувших она

Присылает обратно, будит черты забытых

В ни о чем не догадывающихся лицах детей,

Запутывает с намерением все, высылает

Каждому двойников на его дороге

И позволяет семенам всходить, когда угодно ей!

(Старика сажают в кресло перед большим столом. Служанка останется подле него. Он с ней шепчется)

ЛОРЕНЦО Чего он хочет теперь, прошу вас, друзья, посмотрите!

ГРАФ Теперь ему мешает солнце.

ВИТТОРИЯ И солнце! И солнца он боится! Так беден...'

(На одном из окон на заднем плане опускают занавес. Залаино садится на рояль, музыканты держат наготове свои инструменты: скрипка, виолончель, флейта. Виттория идет, давши старику мягкую подушку, налево, берет ноты в руки. Настраивают)

ВИТТОРИЯ Вот человек, от которого когда-то исходила радость

И здесь, где теперь унылая тоска

И второе детство, ужасный призрак первого,

Здесь была когда-то музыка, такая сладостная,

Как в груди молодых жаворонков,

Что, отягченные триумфом, взлетают вверх

И падают порой на землю, мертвые от восторга.

Не сам он сидит теперь тут — только его оболочка —

Лучшая часть его покоится здесь и здесь, и здесь!

(Показывает на инструменты)

Жизнь лучшее прядет в нашей душе,

Берет его у нас и тихо переносит на другие,

Более невинные созданья — цветы, деревья

Такие инструменты; в них оно тогда

Живет и не стареет. Поистине,

Там, где любим, мы создаем такой

Незримый волшебный остров, который

Носится с блаженными невинными садами,

Безднами висящими. Он пронесется поздно

Когда-нибудь, быть может, в вечернем

Сне над нашей головой в золотистом

Воздухе, и если глаза еще узнают его туманный

Образ, напрасно стали бы мы руки подымать!

Итак, пред этим стариком дадим

Вверх вознестись миру, похищенному у него.

Быть может, в состоянии еще он

Плакать и таять в зное собственных огней!

(Начинают играть. Залаино у рояля. Виттория считает такты, когда должна начаться вокальная партия. Сзади справа

слуги вносят закрытые серебряные блюда. Старик тянется к ним. Служанка хочет удержать его. Старик бьет ее и, кажется, еще настойчивее требует одно из блюд. Виттория кладет из рук ноты, подходит к старику. Музыканты останавливаются)

ВИТТОРИЯ. Глядите, он хочет этих кушаний! Этого? Нет?
Но это? Это сладкое. Возьми это.

(Ему дают сладкого, он жадно пьет)

ВИТТОРИЯ (Отворачивается от него)

Не смотри на меня с благодарностью —
Слишком больно, что ты благодаришь за это, а не за то.

(Снова подходит к музыкантам)

Оставьте же его, и будем играть для себя!
Ибо справедливо; что когда-то его огнем было,
Теперь огнем в нас и наших скрипках.
Когда был он молод, это дал ему Бог.
Он прислушался к сладостному тихому звуку,
С которым кровь бежит по обнаженным жилам
Жизни, и поймал этот звук своим слухом
И вдунул его в флейты: у нас есть музыка,
Которую он создал, а жизнь его нам больше
Не нужна!

(Они снова начинают играть ту же самую пьесу. В это время в двери справа впереди слуга вводит Барона. Тот делает слуге знак не мешать и останавливается в стороне. Виттория замечает его и со спокойной улыбкой опускает свои ноты. Музыка останавливается)

ВИТТОРИЯ (Очень хладнокровно обращаясь к Лоренцо, который стоит к вошедшему спиной)

Лоренцо, ты совсем не заметил одного гостя.

ЛОРЕНЦО (Оборачивается, кланяется Барону)

А, Вейденштамм! Я рад сердечно!

(Тихо)

Ничего, если смею просить о сегодняшней ночи.
Это прошло, и не более правда, чем сны!

(Он обращается к Виттории и выводит ее за руку на шаг вперед)

Виттория! Барон Вейденштамм из Голландии!

ВИТТОРИЯ *(Обращается к Барону, улыбаясь холодно)*

И мне не совершенно не знаком, если я не ошибаюсь.

ЛОРЕНЦО *(Отходя вправо в сторону, про себя)*

Она бы не поклонилась так, если бы тайный предмет
Всех ее грез из ничего внезапно появился.

А она кланяется так, как-будто это кто-нибудь,

Кого она еще вечером вчера видала и

Говорила с кем. О, да, теперь я могу вздохнуть
спокойно.

(Виттория жестом указывает Барону на своих гостей. Барон подходит к Марфизе, которая стоит направо с Аббатом и Чезарино. Чезарино и Аббат отходят в сторону. Виттория не сводит глаз с Барона, взгляд которого только раз мимоходом пробегает по Чезарино. Вправо совсем впереди стоит Лоренцо и внимательно наблюдает группу. Вдруг он невольно хватая рукой табакерку, которую спрятал к себе. Он тотчас опомнился, подходит к Виттории и быстро говорит)

ЛОРЕНЦО Ты все должна ему сказать. Чезарино

Стоит вон там, будто оживший образ

Здесь, на моей табакерке, — мне кажется,

Он и теперь все знает.

ВИТТОРИЯ *(Тихо)* Как ты хочешь.

ЛОРЕНЦО *(Так же)* Мы должны, дорогая. Смелей!

ВИТТОРИЯ Итак, если ты хочешь!

(Барон кланяется Марфизе и снова подходит к Виттории. Виттория знаком подзывает к себе Чезарино. Марфиза и Аббат отходят к музыкантам, которые отложили свои инструменты)

ВИТТОРИЯ *(Представляя Чезарино Барону)*

Вот мой брат, которым я слишком горжусь.

Солнце Неаполя было первым,

Чему он «ку-ку» говорил, когда по вечерам

Оно садилось в море, а потом его хотел

Схватить он, принимая его за мяч из золота,

И с той поры влюблен он —

Мне кажется, что с той поры, — в золото и камни,

Как сорока, и я боюсь, что это причиной,

Что слишком жаден взгляд его до красоты.

Письму и чтению его учили

Добрые отцы на горе священной,

Где стоит картезианский монастырь Сиены.
Мне кажется, когда он улыбался,
Они так радовались, как будто бы
На долю монастырского сокровища
Кусок достался святой ризы;
Из дерева почтенных кипарисов на
Местах их упокоенья вырезали они
Ему лук и птицу пугали к нему,
Созданная Богом, не сидит она так смиренно.
Но я болтаю слишком много. Пять городов
И сестра, которая только умеет петь,
Так плохо его воспитали, что полон он
Юношеских недостатков и, к сожалению,
Очарования, которое скрывает их от слишком
Добрых глаз. Но вижу я, чем больше говорю о нем,
Тем становится ясней не он, а мое безрассудство.
Иди к другим, иди к Марфизе.
(Чезарино отходит к группе у рояля)
Он думает, что мир ему принадлежит.
Когда он в экипаже или на корабле
Выезжает в город, он смотрит так вокруг,
Как будто был он наемников начальник,
Который город покорил и собирает дань,
И глазами, сильнее магнитов, хочет
Притянуть к себе из всех углов
Скрытых женщин и золотые клады.

(Во время этой речи Виттория ищет глазами взор Барона и, кажется, хочет она взглядом сказать ему больше, чем говорят ее слова. Но Аббат стоит близко. И Лоренцо стоит вправо впереди близко от нее)

ВИТТОРИЯ *(Продолжает)*

Речь его, когда он видит что-нибудь, что нравится ему,
Подобна вспышке полупотухшего огня.
Он наполовину еще ребенок, и язык его
Подобен копыю полубога, острие которого
Наносило и вновь исцеляло глубочайшие раны.
Его взор проникает насквозь, он тех видит нагими,
Кто закутан в притворство, и я боюсь, что стыд
Сдержать его не может, что сделать
Это может лишь любовь...

ЧЕЗАРИНО *(Снова подходит к ней)*

Ты все еще обо мне говоришь, ты, добрая?

ВИТТОРИЯ Брат мой, поговори с ним, он очень близок был твоей матери.

ЧЕЗАРИНО Вы это были, сеньор?

Я никогда не знал своей матери.

Говорят, что "мать" — прекраснейшее слово,

С самым глубоким и сладостным звуком,

Для меня же — это слово «сестра».

А когда говорю я "мать", мне представляется

Кто-то, он стоит одною ногою в гробу

И глядит на меня чужими глазами, и я содрогаюсь.

БАРОН Вы не правы. *(Разговаривая, отводит его назад)*

ВИТТОРИЯ *(Остается одна, так как и Лоренцо отошел назад, Аббат же — к группе у рояля)*

Поносит он мать свою,

Чтобы мне польстить? Мне же это почти больно!

Так я сама себе свет заслоняю и должна

Есть плоды, в которых смешано два сока,

И мякоть, наполовину горькая и сладкая.

Как это похоже на мечты!

ЛОРЕНЦО *(Возвращается к ней)*

Ты совсем забыла старика!

ВИТТОРИЯ Нет, мой друг.

Прости, сегодня я — не самая лучшая хозяйка.

ЛОРЕНЦО Ты прости меня. Вижу, ты растрогана.

ВИТТОРИЯ Да, да, растрогана. Подумай, как много

Это мгновенье могло отнять у меня:

Моя судьба танцует на лезвии ножа,

Ты понимаешь?

ЛОРЕНЦО О, да.

ВИТТОРИЯ *(В то время как Лоренцо отворачивается и отдает какое-то приказание слуге; про себя)*

Надеюсь, что нет!

(Снова к Лоренцо)

Не беспокойся, я не забываю.

Где старик? Я не забываю.

ЛОРЕНЦО И меня не совсем?

ВИТТОРИЯ Сегодня менее, чем когда-либо:
Мне кажется, что вижу я всю мою жизнь насквозь
И в ней твою любовь.

ЛОРЕНЦО Как мушку в янтаре?

ВИТТОРИЯ Нет. Как драгоценный камень
В горном хрустале, который имеет целебную силу
И заставляет изуродованный хрусталь изнутри
Расти, как существо живое.

(Лоренцо идет назад, где Редегонда, служанка и граф входят старика. К Виттории подходит барон, Чезарино к Марфизе, музыкантам и Аббату, который делает ему комплименты)

ВИТТОРИЯ *(Делает еще несколько шагов вперед, чтобы никто не мог ее слышать; барону)*

Так ты знаешь, кто это?

(Барон целует ей руки)

ВИТТОРИЯ Это — твой ребенок,
Твой и мой ребенок! Стань передо мной,
Чтоб те там не увидали, как плачу я.

(Она плачет)

МАРФИЗА Выбери мне фрукты, Чезарино,
И принеси их мне!

ЗАЛАИНО *(Тихо, умоляюще)* Марфиза!

МАРФИЗА *(Ему, вполголоса)* То было вчера,
А сегодня есть сегодня!

(Берет фрукты из рук Чезарино)

ВИТТОРИЯ *(Барону)* Так однажды я заплачу
Из самой глубины моей души:
Так как это — тайна моей жизни,
Все же остальное — пустая скорлупа.

БАРОН Ты — милая волшебница, это зеркало
Мгновенно отражает, каким тридцать лет
Назад я был. Я грустно целую чело моей юности,
Когда его целую!

ВИТТОРИЯ Мне он спутал счет моих лет
И сделал меня моим же двойником.

БАРОН Что этим хочешь ты сказать?

(Группа влево хочет притянуть Чезарино к роялю. Марфиза ластится больше всех. Один из музыкантов предлагает свою скрипку. Залаино стоит в стороне)

ВИТТОРИЯ *(Полуобернувшись к ним, говорит Барону)*

Разве все другие не озарены его дурным
Огнем? Это твое дитя! Скажи, ты рад?

(Поворачиваясь влево)

Вы правы, аббат, — Маласпина
Неправ: да, мой брат играет лучше,
Гораздо беглее и лучше, чем я,
Хоть он и моложе меня на десять лет,
Почти на десять лет.

(Барону)

Ты видишь, тут никто не знает
Мой настоящий возраст!

БАРОН Потому что его нет у тебя!

ВИТТОРИЯ *(Улыбаясь)* Так я плыву на большой лжи
По морю жизни, как на бычке Европа:
Сестра своего ребенка, призрачная,
Почти удвоенная в новое создание.

(Справа подходит старик, которого ведет его служанка и Редегонда; за ним Лоренцо и немецкий граф. Барон отходит немного в сторону направо, Лоренцо к нему. Редегонда подводит старика и служанку к Виттории. Граф принимает участие. Между тем...)

ЛОРЕНЦО *(Барону)* Теперь ты знаешь, что меня пришибло,
Когда ты подарил свою мне табакерку.
Правда, не всякая кровь такова, что почти
Замерзает от внезапного замешательства
И удивления. Это свойство в своей крови я
Должен бы назвать наследием от женщин
И его стыдиться, если бы не знал, что она зато
От трусости свободна и лихорадочности
В действительной опасности.

БАРОН *(Делает смущенное движение и молчит)*

ЛОРЕНЦО *(Поясняя)* Я только сегодня узнал, что брат Виттории
Ей брат, хоть и со стороны матери, но не отца.

БАРОН *(Стараясь отклонить)* Я знавал маршала
Из Франции, который падал в обморок
При виде белой мыши. Бывает подобная игра...

ВИТТОРИЯ *(Приказывает одному из слуг подать ей большое
блюдо с фруктами и кладет смоквы и апельсины в корзину,*

которую держит старая служанка. Старик смотрит на это сияющими глазами)

Да, твоя Анна отнесет их тебе домой,
И все они принадлежат тебе. Мир снова для него,
Как для детей, вернулся в круглый золотистый апельсин.
Быть может, сам он, не сознавая, бросил
Когда-то семя, ей-Богу, из которого выросло
Дерево и дало плод — вот этот апельсин.
Он, может быть, был у той, которую любил он,
И когда ночь проходила, и поцелуи не утолили
Их летней жажды, они, облокотившись на постели,
Очистили такой вот плод, и зерна бросили
В окошко, в мышь летучую, которая со свистом
Пролетала. В прохладную мякоть плода
Они погружали, деля аромат и пурпурный сок,
Опьяневшие пальцы, которыми, казалось,
Погружаются в целый мир жизни, радости, грезы —
И их уста делили целый мир.
Теперь все это перевернуло время,
Подобно солнечным часам, в своем течении обратном,
И мир ничего не оставил ему, кроме этих плодов.

ГРАФ Я отвезу его домой в своей гондоле.
Он живет в углу Гвидекка,
Где трухлявые остовы лежат старых кораблей
И, медленно гния, в открытое море глядят
Слепыми впадинами глаз.

РЕДЕГОНДА Как! А я?
Я не поеду! Там нет никого, кроме сброда,
Детей с впалыми глазами.

ГРАФ Если вы не поедете,
Мы встретимся потом на Пиацце
Через час.

(Редегонда отступает шаг назад, служанка уводит старика)

ВИТТОРИЯ *(К графу)* Хорошо это в вас, немцах,
Вы можете влюбленными быть и в то же время
Сохранять в себе оттенок отца и брата.
В этом — основанье любить вас сильно,
Если вас поймешь.

РЕДЕГОНДА *(Шепчет Барону, который подошел к ней)*
Так берегись! Он бы убил меня.

ГРАФ *(Улыбаясь)* Вы намекаете на этого? Это было бы нечто сыновнее.

РЕДЕГОНДА *(Оборачиваясь немного назад, графу)*
Фридрих, вы не идете?

ВИТТОРИЯ *(Графу)* Я намекаю на того, быть может,
А также и на ту...

ГРАФ Вы очень добры.

(Целует ей руки, они еще говорят, медленно отходя назад. Группа возле рояля рассеялась, и, за исключением Марфизы, которая осталась сидеть, все отошли назад)

БАРОН *(Стоя впереди вправо, обращается к Лоренцо, смотря вслед старику)* Вот во что мы обратимся!

ЛОРЕНЦО Кажется, когда-то я слышал,
Что был он очень и красив, и многими
Женщинами любим.

БАРОН Возможно ли! Ты заметил его губы?

ЛОРЕНЦО Быть может, есть стихи, на них составленные!
Он пел в одной из своих опер — сравнивали
Его губы с пурпурным гранатным
Яблоком...

БАРОН Ты это знаешь?

(Про себя)

Он даже не вдвое меня старше,
А если бы даже и так, какое утешенье!
Только не надо терять ни одного дня, ни один не
вернется!

(Он видит, что Марфиза одна, делает приветливое движение к Лоренцо и быстро идет к ней, убеждает ее в чем-то; она смеется. Лоренцо отходит к группе на заднем плане. Скоро от нее отделяются Чезарино и Виттория, и идут вперед, каждый отдельно, он — направо, она — налево. Чезарино смотрит на Барона. Затем замечает Витторию и живо идет к ней. Оба стоят направо посредине, полуобернувшись к двум другим. Между тем...)

БАРОН *(Марфизе)*

Я, право, должен уехать еще перед вечером сегодня,
А вдвойне дает тот, кто дает сейчас,
Прекрасная малютка!

МАРФИЗА *(Смеется, будто обещает ему что-то)*
Перед вечером, так долго!

БАРОН Три коротких часа!

(Вынимает часы, оба наклоняются над ними. Марфиза подымает три пальца вверх, он целует концы ее пальцев. Она показывает, чтобы он шел теперь к другим)

ЧЕЗАРИНО *(Оживленно, к Виттории)*

Сестра, этот чужой мне очень нравится.

ВИТТОРИЯ Разве он много говорил с тобой?

ЧЕЗАРИНО Нет! Однако, его манера, то, что он теперь

Опять с Марфизой говорит — смотри,

Как она смеется! Не знаю, что это, — но я его люблю!

ВИТТОРИЯ *(Целует его в лоб)*

Не представляешь ли ты себе, что когда-нибудь

Хотел бы быть таким же?

ЧЕЗАРИНО Как тот? Совсем таким и больше ничего?

ВИТТОРИЯ А что ж еще? Знаменитым?

ЧЕЗАРИНО Да, и знаменитым!

Чтобы смеяться над всеми, кто носит славу,

Как парик парадный!

ВИТТОРИЯ Как бы ты ее носил?

ЧЕЗАРИНО Как пряжку на башмаке.

ВИТТОРИЯ Когда он подойдет теперь, поговори еще

И хорошенько замечай все, что он скажет.

(Марфиза встает и, взглянув на Витторию, медленно и бесшумно идет назад и исчезает в двери направо)

БАРОН *(С легким замешательском подходит к Виттории и Чезарино)* Брат и сестра!

ЧЕЗАРИНО Мы ими и на самом деле!

Вы говорите это, как «Диана и Эндимион»,

«Зевс и Европа», совсем как будто это — маски.

ВИТТОРИЯ Он слишком дерзок!

БАРОН Таков уж возраст.

Я хочу просить его мне говорить «ты»,

Это сделает его старше, меня — моложе.

ЧЕЗАРИНО Почему? Говорят же отцы и сыновья

Друг другу «ты»!

БАРОН Но также и друзья. Есть немало городов,

Где все дворянство делается братьями.

ВИТТОРИЯ *(К Чезарино)*

Слушай, он будет рассказывать!

Он много путешествовал: мир —
Открытая книга для него.

*(Она отходит назад, где между тем все уж попрощались, и
Лоренцо остался один)*

ЧЕЗАРИНО *(Живо, к Барону)* Половина наслаждения
От путешествий, так думаю... нет, больше, чем
Половина, от скорости зависит... Я плохо
Выражаюсь.

БАРОН Но [то,] что ты хочешь сказать, имеет смысл
Такой: Европа станет твоим домом,
Целый свет — садом, желание создаст отечество,
Поспешность — прекраснейшее опьянение.

ЧЕЗАРИНО *(Задумчиво)* Да, это — и многое, но как-нибудь
Жизнь всегда должна так... *(Останавливается)*

БАРОН Это происходит само собой.
Пересаженное дерево скоро погибает,
Чужая почва дает нам гигантскую силу.
Сказка становится правдой, птица Рок
Несет тебя в своем тюрбане, покинутую
Ариадну сажаешь ты в свою колесницу:
Города уходят в землю за тобою, и новые
Растут: потому что ты — чужеземец,
Ты становишься привлекательнее всех остальных:
Красивые прикованы к скалам,
Но к твоим ногам привязаны крылья,
И где ты ступишь — там вмиг
Персей и Андромеда друг друга находят!

ЧЕЗАРИНО *(который вливает каждое его слово, задыхаясь)*
Ты был при каком-нибудь дворе? Ну, как там?

БАРОН Там научись ты кратчайший миг
Так высосать, как нищий мальчик
Сосет последнюю ягоду украденного им винограда.
И это прекрасно, ибо ни один миг не приходит дважды!
Иди ко двору молодым, и когда ты оттуда
Вернешься, будешь, как саламандра,
Которая живет и в огне. Только там ты научись
Прямо и смело схватить за единственный
Кончик волос порхающего бога — случай!
Там ты научись говорить кинжалами
И взглядами своими яд бросать. Там

Ты научишься подчинять своей воле
Мгновенья, что силу молний имеют,
Выпивать одним взглядом больше, чем жемчуг,
Что стоит три царства, и одно мгновенье,
Нужное, чтобы дух перевести, стоять на колесе,
Спицы которого — сама судьба!

ЧЕЗАРИНО У меня голова закружилась!

БАРОН Нет, это только игра,
В которой самая сильная воля из медуз,
Которые ее задушат, если их она не обуздает,
Сделать танцующих граций, это игра.

(Он кладет руку на плечо Чезарино и, разговаривая, идет с ним назад. Виттория, за ней Лоренцо, молча выходят из глубины и останавливаются слева впереди. Виттория показывает на Барона и Чезарино. Маленькая пауза)

ЛОРЕНЦО Он не думает даже о том,
Чтобы отнять его у нас, неправда ли?

ВИТТОРИЯ *(Отпустив глаза в землю)*

Он не думает об этом.

ЛОРЕНЦО Ты рада?

(Виттория кивает утвердительно, но с печальным лицом. Лоренцо отходит от нее влево. Она стоит, прислонившись к роялю)

ЛОРЕНЦО *(Про себя)*

Почему она теперь печальна? Опять мечты,
В которых нет и тени моего участия?
Я не буду весел, прежде чем не исчезнет тот.
Так все еще в воздухе висит несчастье.
Снова начинаю я мучить себя?
Теперь не ночь, а завтра ничто не будет лучше.
(Чезарино и Барон снова выходят вперед)

БАРОН И платья не такая вещь, чтоб можно было
Ими пренебрегать, нет ничего, что было б
Только внешним: чем были бы тогда цветы?
В этих вещах — часть нас самих:
Римляне рабов водили за собой,
Головы которых обременены были тяжело
Чудными стихами великих поэтов:
Наши платья — такие слуги и дышат мечтами —
Созданьем собственной нашей фантазии.

ВИТТОРИЯ *(Подходя к ним)*

Я вижу, что вы слишком хорошо понимаете
Друг друга.

БАРОН Так хорошо, что брат ваш позволил,
Будто был я ему родственник,
Подарить эту мелко сплетенную сеть,
Которую смыкает кольцо с вырезанной
Арабской надписью, но которую рука дворянина
Великодушнее этого языческого кольца,
Будет до тех пор отпирать,
Пока не останется внутри ни одного узника.

(Дает ему красивый полный кошелек)

ЧЕЗАРИНО Оболочку — охотно, но золото вынь!

БАРОН Как, если б я подарил тебе гранат,
Ты взял бы себе одну шелуху
И бросил бы мне зерна под ноги,
Как это золото?

ЧЕЗАРИНО Нет, то была бы пища
Одного мгновения.

БАРОН Позволь твоей прихоти
Широко раскрыть свой рот, и будет это золото
Не более как пища одного мгновенья!

ЧЕЗАРИНО Я не могу.

БАРОН Значит, ты не умеешь дарить,
Раз вовсе не умеешь принимать!

ЧЕЗАРИНО *(Берет кошелек)*

Итак, я, вероятно, принужден.

(Барон, кажется, ищет кого-то взглядом)

ВИТТОРИЯ Те уж ушли. Вы ищете?

БАРОН *(Быстро)* О, никого, никого!

ВИТТОРИЯ *(Обращаясь к Чезарино, который стоит в нерешительности с кошельком в руках)* О чем ты думаешь?

ЧЕЗАРИНО Мы в царстве фей: здесь у меня
Шелковая палатка, большая, как церковь Марка,
Платья для двухсот рабынь —
И одно из прозрачной ткани,
Затканное золотыми бабочками
С чехлом из матово-желтого шелка
Лежит сверху и...

ВИТТОРИЯ Называется...

ЧЕЗАРИНО Я хотел бы сказать “блестит”.

Но называется? Ну, называется?

ВИТТОРИЯ Марфиза Кортичелли!

ЧЕЗАРИНО Да, милая сестра. О, не морщь прекрасное свое
Милое и чистое чело!

Не переглядывайтесь так и про себя не думайте:

Он влюблен, а это, как болезнь,

Надо беречь его, он слишком молод!

О, оставьте эти слова, они — гарпии,

Что сыплют отвращенье на цветы жизни!

Разве я так молод? Богине Елене

Было семь лет, когда цари из-за нее сражались,

А поэту Данте — девять, когда ему явился

Бог любви во сне и разговаривал с ним

Сонетами! У души нет возраста: твоя

И моя — близнецы, твоя только более кроткая!

Когда я слышу музыку, мой слух так полон отголосков,

Что слышу гармонию сфер, когда тихо скользит

Весло по воде. Так она заморозила мне глаза,

Как музыка мой слух. Смотрите на него,

Он думает во всем, как я.

ВИТТОРИЯ Так иди и покупай!

ЧЕЗАРИНО Пришли два корабля,

Один из Брабанта, другой из Леванта,

Там найду, чего я ищу, потому что ее мерка

У меня в голове, как множество напевов

Палестринской мессы, которую недавно

По памяти я ночью записал.

ВИТТОРИЯ *(Тихо)* Он превращает в музыку все, до чего коснется!

ЛОРЕНЦО *(Так же)* Как чудно: такая бурная вода

Имеет в то же время дар так чисто отражаться.

БАРОН *(Целует его в лоб)*

Иди, иди, мой сын. О, как я узнаю тебя!

ЧЕЗАРИНО Кого?

ВИТТОРИЯ *(Быстро)* Маленького дерзкого мальчишку,

Которого, надо надеяться, люди на судне поймут,

Чтобы продать его в другой стране, как обезьяну.

(Барон и Лоренцо говорят друг с другом)

ЧЕЗАРИНО Прекрасно, тогда бы в воду

Я прыгнул и приплыл бы дельфин

И унес бы меня на своей спине!

ВИТТОРИЯ Иди же, иди!

ЛОРЕНЦО *(К Чезарино)* Ты меня возьмешь?

ЧЕЗАРИНО Конечно!

(Он звонит, является слуга, приносит два черных маскарадных костюма. Барон подходит к Чезарино, шепчет ему что-то на ухо, Чезарино шаловливо вешается ему на руку. Лоренцо кладет руку вокруг талии Виттории, ведет ее несколько шагов вперед)

ЛОРЕНЦО *(Очень весело)* Знаешь, мне только что сказал барон, что он Венецию сегодня покидает.

ВИТТОРИЯ Как, уж сегодня?

ЛОРЕНЦО Да, сегодня, и оставляет своего ребенка

С веселою улыбкой там, где его нашел.

Как загадочно различны люди...

И мать твоя, наверно, не очень походила на тебя!

Как безрассуден был я с своим страхом.

Одно я знаю: этого никогда ты не любила,

Ни даже во сне, ни даже в горячечном сне.

(Снова обращается к остальным)

Прощай, Виттория. Идем, Чезарино!

(К барону)

Ты же, пожалуйста, побудь еще немного

С моей женой, да? У вас, верно, много есть

Друг другу рассказать, если я не ошибаюсь.

Маски здесь?

(Лоренцо и Чезарино набрасывают маски и уходят)

ВИТТОРИЯ *(Идет влево, приглашая барона движением руки садиться, он остается, кажется смущенным)*

Вот пошел твой сын с моим мужем

И покупают танцовщице платье. Никакая

Сказка веселей окончиться не может.

Старые слезы стали золотыми блестками

Для пестрого маскарадного костюма,

Ты — танцовщик, я — танцовщица,

Мы закружимся раз, потом ты выйдешь,

Я выйду сюда, и конец.

БАРОН *(Целует ей руку)* Ты — любовь, красота, добро!

(Он оборачивается, берет свою шляпу с кресла как бы затем, чтобы уйти)

ВИТТОРИЯ (Задумчиво смотрит на него)

Гораздо, гораздо легче
Многое здесь, где мы его переживаем,
Чем там, где мы думаем о нем.
Странно! Теперь они оставили нас на полчаса
Одних, чтобы мы снова, как в театре,
Ты мне, а я тебе сказали в сотне слов,
Что пережить дошло как раз полжизни,
А потом в самом деле ты уедешь?

БАРОН (Со шляпой в руке, быстро) Еще сегодня, милая.

ВИТТОРИЯ Сегодня! В тот самый день,
Который дал тебе твоего ребенка. Правда,
Женщины — матери, а мужчины — мужчины.

БАРОН Так это тебя оскорбляет?

ВИТТОРИЯ (Пожимая плечами) Ты должен...

БАРОН Я должен, милая!
Меня преследуют. Из ревности
Женщина одна.

ВИТТОРИЯ (Улыбаясь) Женщина замешана?
Тогда ты в самом деле должен. Женщины опасны!
Так говорят, по крайней мере. Я не была такою:
Ни для тебя, ни для старика, ни для третьего.
Быть может, я — женщина не настоящая.
(Подходит к нему ближе на шаг)
Помнишь ли ты, как без уважения,
Как ты ночью покинул меня?

БАРОН После тех трех дней?

ВИТТОРИЯ О, нет, о тех трех днях
Я не вспоминаю, я вспоминаю о хорошем времени,
Которому ты все же легко так положил конец.

БАРОН (Смущенно) Ты не знаешь, как это было.

ВИТТОРИЯ Не знаю.
И никогда не знала. Но теперь, мой милый,
Не рассказывай об этом, потому что теперь
Не время.

(Отступает немного назад)

Теперь время говорить о нашем ребенке.
Старик, у которого я долго жила...

БАРОН Князь Паллагониа?

ВИТТОРИЯ Это имя,

До которого ни тебе, ни мне нет дела,
Которое на земле обозначает только крышку
Гробницы, это имя знал ты, но что ребенок,
Растет твой ребенок, живой ребенок,
Мой и твой, этого ты никогда не знал! Вот наша
Жизнь!

(После маленькой паузы)

Старик был добр. Легко могла бы
Из него отца я сделать.

БАРОН *(С притворным интересом)* Он?

ВИТТОРИЯ Он знал ребенка и любил его.

Была я при его смерти. Его поместья
Перешли к его наследникам.

*(Она отходит к левой стене, откидывает один из гобеленов
и открывает глубокий потайной ящик)*

Эти драгоценности,
Которые он, умирая, просил меня принять,
Были в море коралловым рифом,
Вокруг которого со временем собралось небольшое
Наследство для моего — для нашего ребенка.

БАРОН Само собой?

ВИТТОРИЯ Да, потому что ничего я не делала для этого,
Кроме того, что пела. Платили мне за тень,
Которую моя душа бросала, когда крылья свои расправляла,
Чтобы тебя искать. Я за любовью сеть свою забросила,
А вытащила слиток золота. Потом нашла я
жизнь приятную. Как все они, все люди,
Будто длинное маскарадное шествие, предо мной
Проходили, подобно волхвам, несущим дары
Для спящего младенца, и от всех ничего
Мне не осталось, кроме золота.

БАРОН Так он богат?

ВИТТОРИЯ *(Улыбаясь)* Вероятно, богаче, чем муж мой.

БАРОН Он — третий?

ВИТТОРИЯ *(Снова закрывает потайной ящик)*

Да, третий. Ты —

Первый, был моим единственным любимым,
Но так как жизнь мне отказала в отце и

Брате, когда была я маленькой и беззащитной,
Я должна была искать в жизни и сначала
Одного, потом другого.

(Снова опускает гобелен, отходит от стены)

Теперь ты знаешь все.

БАРОН *(Снимает кольцо с пальца)*

Если сын твой так богат,
То ни камень в этом кольце,
Ни подаривший его — его не обрадуют.
Так дай ему ты, от которой имеет он все,
Вместо его бедного отца!

ВИТТОРИЯ Ты сам себя бедным называешь.

Антонио, послушай меня *(берет его за руку)*.

Он, я, все это ведь твое! Твоя вещь!

Ты — его отец, ему принадлежу я,

А он должен тебе...

БАРОН *(Быстро)* Виттория! Молчи, Виттория!

Мы молча должны пройти один мимо другого,

Молча, как два ведра в колодце:

Одно идет вверх — оно полно,

Пустое опускается ко дну, в темноту.

ВИТТОРИЯ Антонио!

БАРОН Сегодня я не беден, а завтра...

ВИТТОРИЯ *(Боязливо)* Милый!

БАРОН Дай ему это кольцо и скажи, что дал его некто,
Кто тысячью рук стремился схватить радости все
И, как ребенок, порывисто все ко рту подносил,
Который привязывался страстно к призрачным
Блескам мыльных пузырей, который небрежно
Бросил дивное сердце, чтобы бежать
Ловить беспутную раскрашенную маску,
Который назывался, который не мог состариться,
А был — твоим отцом!
Дай ему кольцо и ничего не говори.

(Поворачивается, чтобы идти)

ВИТТОРИЯ Как, ты хочешь идти и его не подождешь?

Еще ведь рано!

БАРОН *(Смотрит на часы, смущенно)* Прости,

Мне надо еще многое в порядок привести,

И это мог бы быть лишь миг. Что значит он?

ВИТТОРИЯ Так иди и все устраивай.

(Звонит; в двери направо появляется лакей)
 Анджело, гондолу для барона!
(Лакей уходит)

Как ты им владеешь — искусством,
 Которому я не научилась во всю мою жизнь,
 Искусством кончать! Кто это может,
 Все может. Я начала одно, тогда мне было
 Шестнадцать лет, и сегодня оно еще не кончено.

БАРОН Ты сожалеешь?

ВИТТОРИЯ Не знаю. Иди.

БАРОН Прощай!

ВИТТОРИЯ Прощай!

*(Она еще раз оборачивается, подходит к нему; изменившим-
 ся голосом)*

Антонио, знаешь, как вчера пришла к тебе я
 Ночью? Возьми это с собой, как воспоминанье.
 Я пришла рабыней очарованья,
 Что исходило от тебя — и в то же время не от тебя, —
 Почти уж не была я матерью ребенка,
 Почти уж не была сама собой, певицей,
 Но более всего твоею вещью, твоим безрассудным
 Созданьем, маленькой, давно погребенной
 Витторией.
 Я очень рада: этого ты не почувствовал
 И возвратил меня самой себе. И благодарна я
 И за то, что был ты виной моего вновь еще раз
 Пробужденного чувства.

БАРОН *(Подходя ближе)* О, Виттория!

ВИТТОРИЯ *(Тихим жестом отстраняя его, тихо)* Прошло.

(Сзади появляется лакей)

ВИТТОРИЯ *(Кивая лакею, улыбаясь, громко)*

Ваша гондола готова, барон!

*(Она наклоняет голову, Барон низко кланяется. Барон
 исчезает в глубине сцены с лакеем. Виттория останавли-
 вается возле левой двери, смотрит ему вслед, пока он не
 скрывается)*

ВИТТОРИЯ Как, он и в самом деле уходит! Он может уйти?

Да, он ушел! Он ушел. Зачем я буду плакать?

Милосердная судьба ведет все к мирному концу,
И мне осталось все, потому что ушел единственный,
Из уст которого могла бы ударить молния.
Он ушел, потому что его держит на ниточке танцовщица
И магнитная гора, у которой его дряхлое судно
Когда-нибудь оставит все гвозди и плачевно
Крушение потерпит, она для него в каждом доме,
Из открытых окон которого улыбаются на улицу
раскрашенные губы.

*(Она садится на стул, закрывает руками лицо, плачет.
Через некоторое время встает, ходит взад и вперед)*

Он ушел и даже головы не повернул ни разу
Взглянуть на дом, в котором остался его
Ребенок. Мне кажется, хотела я того, что произошло
Сейчас! Как, или я лгала самой себе?
Как легко и весело все это разрешилось!
Если бы я не видала его вчера вечером,
Мне никогда не удалось бы сегодня это представить.
И опять-таки, будь хоть немного того металла,
Что в имени «отец» звонит, гудит,
Примешано к липкой глине его существа,
Он не ушел бы так сегодня с этого порога!
На какой паутине, на какой железной цепи
Ты вешаешь нашу судьбу, ты, наверху?

*(Она задевает ногой апельсин, упавший из корзины старика,
подымает его и кладет, не замечая того, на рояль)*

Да, вижу я, так должно быть!
Воды жизни бегут по своему пути,
И настанет день, когда создавший музыку
Ее не узнает и от нее отвернется:
То же случилось и здесь. Разве я — не музыка,
Которую он создал, я и мой ребенок?
Разве наш огонь — не тот огонь, что был когда-то в его
Душе? Что значат щепы, от которых пламя
Загорелось: оно с высшим божеством в союзе!

*(Она легкими шагами выходит в дверь направо, тотчас же
слева появляется на галерее, открывает там маленькую
дверь и исчезает. Сцена остается некоторое время пустой.
Затем сзади появляется Чезарино в маске. Он зовет)*

ЧЕЗАРИНО Виттория, Виттория!

(Прислушиваясь, останавливается посреди сцены, срывает маску с лица, прислушивается напряженнее. Выбегает в дверь направо, появляется тотчас опять на галерее, далеко перегибается вперед и зовет дрожащим голосом)

Лоренцо, скорее! Она так чудно поет,
В жилах кровь у меня стынет!
Она поет великую песнь Ариадны,
Которую уж много лет петь не хотела!
Великую арию, когда она стоит на колеснице
Вакха! Иди ж, Лоренцо, иди!

Занавес